

Жорж Сименон

Мегрэ и виноторговец

<http://book.zehinli.info>

Глава I

- Значит, ты убил ее, чтобы ограбить?

- У меня и в мыслях не было ее убивать. Разве из пугача убьешь?

- Ты знал, что у нее водятся деньги?

- Конечно!.. Ей за восемьдесят, она всю жизнь работала и уж наверняка что-нибудь сколотила.

- Сколько раз ты просил денег?

- Не считал. Только появлюсь - она уже знает, зачем я пришел. Родная бабка, а надо же, вечно швыряла мне всего одну монетку в пять франков.

Вам разве понять! Ну, что для безработного пять франков?

Мегрэ нахмурился. Ему было тяжело и грустно. Заурядное дело - мерзкое убийство с целью грабежа. С такими сталкиваешься чуть ли не каждую неделю. Мальчишка, которому нет и двадцати, убивает одинокую старуху, чтобы обобрать ее. От других этот Тео Стирнэ отличается только тем, что прикончил собственную бабку.

Ведет он себя спокойнее, чем можно было ожидать, и, отвечая на вопросы, старается ничего не упустить. Одугловатый, круглоголовый, пучеглазый парень, с круто срезанным подбородком и толстыми губами, такими красными, что в первую минуту они показались накрашенными.

- Пять франков! Как мальчишке на сласти.

- Муж ее жив?

- Помер. Лет сорок назад. У них был галантерейный магазинчик на площади Сен-Поль. Вот уже два года как бабка совсем перестала ходить, и ей пришлось закрыть лавку.

- Где твой отец?

- В Бисетре. У психов.

- А мать?

- Я с ней давно не живу. Она каждый день пьяная.

- Братья и сестры есть?

- Сестра. Не знаю, что с нею: ей было пятнадцать, когда она удрала из дому.

Он выкладывал все это без тени волнения.

- Ас чего ты взял, что бабка держит деньги дома?

- Такая не то что банку - сберкассе не доверит.

Девять вечера. Преступление было совершено накануне в это же время, в старом доме на улице Короля Сицилии, где Жозефина Менар занимала две комнаты на четвертом этаже. Соседка с пятого, хорошо знавшая Тео, встретила его на лестнице, когда он выходил от бабки. Они поздоровались.

Спустя полчаса другая соседка, госпожа Паллок, занимавшая квартиру напротив Жозефины Менар, решила, как всегда, забежать к ней на минутку.

На стук никто не ответил. Дверь была не заперта, и она вошла.

Жозефина, скрючившись, лежала на полу с разможенным черепом и кровавым месивом на месте лица.

В шесть утра Тео Стирнэ задержали. Он спал на скамейке в зале ожидания Северного вокзала.

- Почему ты все-таки убил ее?

- Я не собирался убивать. Она бросилась на меня, я растерялся...

- Ты навел на нее пугач?

- Верно. Но она и глазом не моргнула. Видно, сразу сообразила, что шпалер не настоящий, и как заорет: "Вон, паршивец! Уж не думаешь ли на испуг меня взять?" Потом схватила с круглого столика ножницы и кинулась на меня, а сама все кричит: "Вон! Говорят тебе, пошел вон, не то пожалеешь..." На вид маленькая и хлипкая, а до чего взбеленилась! Я испугался, что она выколет мне глаза ножницами, и стал искать, чем бы защититься. Вижу, у печки лежит кочерга. Подобрал ее и...

- Сколько раз ты ударил?

- Да разве я считал? Но она еще держалась на ногах и не сводила с меня глаз.

- Лицо у нее было в крови?

- Да. Я не хотел, чтобы она мучилась, и все бил и бил... Сам не знаю, что со мной стряслось...

Мегрэ вдруг почудилось, что он слышит голос прокурора на суде: "...и тогда Стирнэ с ожесточением накинулся на свою несчастную жертву!"

- Я не хотел ее убивать. Клянусь, не хотел. Поверьте, я не вру.

- Однако у тебя хватило выдержки сразу же обшарить комнату?

- Не сразу! Сперва я кинулся к двери, да вспомнил, что у меня в кармане всего полтора франка. Я ведь потому и пришел к бабке, что хозяйка вышвырнула меня на улицу. Я три месяца за квартиру не платил.

- И ты вернулся?

- Ага. Но не стал рыться повсюду, - этого вы мне не шейте. Выдвинул только несколько ящиков. Нашел старый кошелек, сунул в карман. Потом мне попалась картонная коробочка, и из нее я взял два колечка и камень.

Оба кольца и камень лежали на столе перед Мегрэ рядом с его трубками и потертым кошельком Жозефины Менар.

- Ты не нашел свертка с деньгами?

- А я и не искал. Мне не терпелось удрать, чтобы не видеть бабку: куда ни повернусь, она все на меня смотрит. На лестнице я столкнулся с госпожой Мену. Потом зашел в бар, выпил рюмку коньяку, проглотил три сэндвича подряд.

- Голоден был?

- Еще как!.. Словом, поел, выпил кофе и пошел шататься по улицам. А что изменилось? Ведь у бабки в кошельке было всего восемь франков и двадцать су.

- А что изменилось?.. Он сказал это так, словно иначе и быть не могло.

Мегрэ задумался, не отводя взгляда от лица парня.

- Почему ты выбрал Северный вокзал?

- Ничего я не выбирал. Забрел, сам не знаю как. Закоченел на морозе.

Листок отрывного календаря показывал пятнадцатое декабря. Дул северный ветер. Тонкая снежная пыль мела по мостовой.

- Собирался удрать в Бельгию?

- На те гроши, что у меня оставались?

- Какие же у тебя были планы?

- Первым делом - выспаться.

- Но ты же понимал, что тебя возьмут?

- Я не думал об этом.

- О чем же ты думал?

- Да ни о чем.

На зеркальном шкафу в комнате старухи полиция обнаружила толстую пачку денег в оберточной бумаге. Там оказалось двадцать две тысячи.

- Что бы ты стал делать, если бы нашел эти деньги?

- Почем я знаю?

В кабинет вошел Лапуэнт.

- Только что звонил Фурке, просил соединить его с вами. Я сказал, что вы заняты.

Фурке работал в семнадцатом округе, богатом районе, где тяжкие преступления случались редко.

- На улице Фортюни, в двухстах метрах от парка Монсо, обнаружен труп.

Судя по документам, убитый - важная птица, крупный виноторговец-оптовик.

- Еще что-нибудь выяснили?

- В него всадили четыре пули подряд, когда он подходил к своей машине. Свидетелей нет. Улица вообще не очень людная.

Мегрэ посмотрел на Стирнэ и пожал плечами.

- Люка на месте? - осведомился он, сам распахнул дверь и увидел сидевшего за столом инспектора. - Зайди-ка на минутку.

Стирнэ бездумно переводил широко раскрытые глаза с одного инспектора на другого, словно ничто тут лично его не касалось.

- Проведи допрос по форме и внеси ответы в протокол. Дай ему подписать и отправь в предварилку. Лапуэнт, а ты со мной.

Натянув тяжелое черное пальто и обернув шею синим шерстяным шарфом, связанным женой, Мегрэ плотно набил трубку, бросил последний взгляд на убийцу и вышел.

Было еще не очень поздно, но ледяной ветер, обжигавший лицо и пронизывавший сквозь самую теплую одежду, гнал людей с улицы.

Мегрэ и Лапуэнт сели в маленькую черную машину Уголовной полиции.

На улице Фортюни несколько полицейских топтались вокруг распростертого на тротуаре тела, не подпуская к нему любопытных. Прибыли полицейский комиссар округа с врачом. Здесь же был и Фурке.

- Вы знали Оскара Шабю? - спросил он Мегрэ. - Это заметная фигура, владелец фирмы "Вино монахов". Вам, должно быть, попадались грузовики, баржи, железнодорожные цистерны с такой надписью.

Человек, лежавший на тротуаре, был крупен, но мускулист. Он походил на игрока в регби. Склонившийся над ним врач выпрямился и стряхнул прилипший к брюкам снег.

- Скончался через несколько минут после ранения. Вскрытие уточнит.

Мегрэ долго всматривался в неподвижные, очень светло-голубые, почти палево-серые глаза и в лицо с крупными чертами. Челюсть у покойника уже начала отвисать.

Вскоре прикатил грузовичок с сотрудниками научно-технического отдела.

Они сразу же стали выгружать свою аппаратуру, как это делают кино-и телеоператоры.

- В прокуратуру сообщили?

- Да, сейчас приедут помощник прокурора и судебный следователь.

Фурке стоял в нескольких шагах от них, похлопывая себя длинными руками по бокам, чтобы согреться.

- Где его машина? - спросил Мегрэ. Вдоль тротуара стояло с полдюжины авто самых дорогих марок. Фурке указал на красный "Ягуар".

- Что там нашли?

- Солнцезащитные очки, путеводитель Мишлена, две дорожные карты Прованса и коробочку с таблетками от кашля. Судя по всему, он вышел из этого дома. - Фурке кивнул на особняк, возле которого лежал труп. Здание в стиле девятисотых годов, с резной каменной облицовкой окон и арабесками. Мегрэ показалось, что за глазком дубовой входной двери что-то шевельнулось. Он узнал этот особняк.

- Пошли, Лапуэнт.

Открыли им не сразу. В темном коридоре едва различались контуры женщины, стоявшей вполупорот.

- В чем дело?

- Добрый вечер, Бланш. - Мегрэ вспомнил эту женщину.

- Что вам от меня нужно?

- Я комиссар Мегрэ. Не припоминаете? Правда, последний раз мы виделись лет десять назад. Не ожидая приглашения, он толкнул дверь.

- Входи, Лапуэнт. Ты еще слишком молод, чтобы знать госпожу Бланш и ее заведение.

Он повернул выключатель, словно пришел к себе домой или на работу, и разом распахнул обе половинки массивной двери, за которой открылась просторная гостиная с обилием ковров, портьер, драпировок, разноцветных вышитых подушечек. Шелковые абажуры на лампах приглушали свет.

Госпоже Бланш можно было дать лет пятьдесят, хотя, несомненно, давно уже стукнуло шестьдесят; маленькая, полная, она с первого взгляда могла сойти за весьма почтенную даму. На ее черном шелковом платье отчетливо выделялось жемчужное кольцо в несколько ниток.

- Все так же предприимчивы? И так же молчаливы, когда речь идет о чужих секретах?

Впервые Мегрэ пришлось столкнуться с ней лет тридцать назад. В то время она еще промышляла на бульваре Мадлен, хорошенькая, приветливая, с ямочками на щеках. Ей повезло, она стала помощницей хозяйки заведения на улице Нотр-Дам де Лорет, где всегда можно было познакомиться с красивыми девочками.

Теперь госпожа Бланш сама была владелицей дома свиданий, где случайные пары встречались в богато обставленных комнатах, а виски и шампанское подавались самых лучших марок.

- Что здесь произошло? - спросил комиссар у госпожи Бланш, изо всех сил старавшейся сохранить самообладание.

- В моем доме ничего не произошло. А до того, что на улице, мне дела нет. Смотрю - люди забегали.

- Но вы слышали стрельбу?

- Значит, это выстрелы? А я-то думала - выхлопы мотора.

- Где вы в тот момент находились?

- По правде говоря, пошла на кухню поесть, так, пустяки: кусочек хлеба с ветчиной. Я ведь никогда не обедаю.

- В доме есть кто-нибудь?

- Никого. А что?

- С кем был Оскар Шабю?

- Шабю? Кто это?

- Я советовал бы вам быть пооткровенней, если не желаете проехаться на набережную Орфевр.

- Но я знаю своих клиентов только по именам. Все они приличные люди.

- Вот как? Поэтому вы и не открываете, пока не увидите, кто стоит за дверью?

- У моего дома незапятнанная репутация. Я не принимаю кого попало.

Полиция нравов никогда меня не беспокоит.

- Вы следили за Шабю, когда он выходил?

- С чего вы взяли?

- Лапуэнт, отвези ее на набережную. Там у нее быстрее развяжется язык.

- Погодите, как же я оставлю дом? Ладно, я скажу все, что знаю.

Человек, которого вы называете Шабю, в самом деле мой клиент. Он вышел полчаса назад.

- Он был здесь завсегдатаем? Как часто он приезжал?

- Время от времени.

- Раз в месяц? Раз в неделю?

- Скорее в неделю.

- Всегда с той же партнершей?

- Н-нет, не всегда. - Минутку поколебавшись, она решилась:

- Не стоит мне впутываться в это дело... С той, что была сегодня, он приезжал раз тридцать за год.

- Он звонил вам, предупреждал о визите?

- Так делают все.

- В котором часу они сегодня приехали?

- В семь вечера.

- Вместе или врозь?

- Вместе. Я сразу узнала красную машину.

- Заказали вино?

- Шампанское, как всегда, уже стояло в ведерке со льдом.

- Где эта женщина?

- М-м... Ушла.

- После того, как Шабю был убит?

Мегрэ прочел во взгляде Бланш замешательство.

- Разумеется, нет.

- Вы утверждаете, что она ушла первой?

- Вот именно.

- Лжете, Бланш.

На протяжении многих лет Мегрэ не раз приходилось иметь дело с такого рода заведениями. Он знал здешние обычаи - первым всегда уходит мужчина, давая женщине время привести себя в порядок.

- Проводите меня в комнату, которую они занимали. Лапуэнт, присмотри, чтобы никто не удрал. Так где эта комната?

- На втором этаже, розовая.

Стены на лестнице были обшиты деревянными панелями, перила украшены резьбой, пушистый бледно-голубой ковер перетянут медными прутьями на каждой ступеньке.

- Когда я увидела, что вы приехали...

- Понятно, вы же стояли у глазка...

- Конечно, стояла. А что тут такого? Разве я не должна знать, что там происходит? Так вот, как только я вас узнала, сразу смекнула: без неприятностей не обойдусь.

- Значит, его фамилия вам известна?

- Известна.

- И фамилия его спутницы?

- Нет, только имя - Анна-Мари. Но я звала ее Кузнечиком.

- Почему?

- Она какая-то нескладная, долговязая.

- Где же она?

- Я вам сказала - ушла.

- А я вам говорю - лжете.

Госпожа Бланш открыла дверь, и Мегрэ увидел комнату, под обоями которой наверняка была звуконепроницаемая прокладка. Горничная меняла белье на кровати под балдахином. На столике - наполовину опорожненная бутылка шампанского и два бокала. На одном из них алел след губной помады.

- Ну вот, теперь вы сами видите, что...

- ...что ее нет ни здесь, ни в ванной. Сколько еще комнат в доме?

- Восемь.

- Есть занятые?

- Нет. Обычно клиенты приезжают в конце дня, а то и поздно вечером. Я как раз поджидала одного к девяти часам. Вероятно, он издали заметил толпу возле парадного и...

- Показывайте другие комнаты.

На втором этаже их было четыре. Все они были обставлены в стиле Второй империи: громоздкая мебель и уже успевшие полинять портьеры.

- Убедились, что никого нет?

- Пойдем дальше.

- Ну что ей делать на третьем этаже?

- А все-таки посмотрим.

Две первые комнаты верхнего этажа также были пусты, но в следующей на пуфе, обитом бархатом гранатового цвета, сидела девушка. Чувствовалось, что все в ней напряжено: она мгновенно вскочила, высокая, худая, с едва заметной грудью и узкобедрая.

- Кто это? - спросил Мегрэ.
- Мадемуазель ждет клиента, о котором я говорила.
- Вы ее знаете?
- Нет.

Девушка недоуменно пожала плечами. Ей было не больше двадцати, и она старательно делала вид, будто ей на все плевать.

- Он так или иначе узнает, кто я. Ведь вы из полиции?
- Я комиссар Мегрэ.
- Шутите? - Девушка посмотрела на него с любопытством. - Вы сами расследуете это дело?
- Как видите.
- Он умер?
- Да.

- Зачем же вы солгали, что он только ранен? - с упреком обратилась она к госпоже Бланш.
- Откуда мне было знать? Я к нему не подходила.
- Ваше имя, мадемуазель?
- Анна-Мари Бутен, личный секретарь Шабю.
- Вы часто бывали здесь?
- Почти каждую неделю, и всегда по средам. В этот день меня пораньше отпускали со службы. Считалось, что я хожу на курсы английского языка.

- Спуститесь вниз, - буркнул Мегрэ.

Ему было не по себе от этих пастельных тонов и затененных ламп, делавших лица какими-то расплывчатыми.

Они спустились в гостиную. С улицы доносились голоса и звуки то приближавшихся, то удаляющихся шагов. По Парижу гулял резкий холодный ветер, а в доме стояла тяжелая духота, как в оранжерее, там и тут из китайских ваз торчали стебли огромных зеленых растений.

- Что вам известно об убийстве?
- Только то, что рассказала мадам. - Анна-Мари повернулась в сторону Бланш. - Кто-то внизу стрелял в Шабю и ранил его. Из дома напротив выбежала привратница и сразу вызвала полицию, которая явилась через несколько минут. - (Полицейский участок находился неподалеку, на авеню Вилье.) - Он умер сразу?
- Да.

Мегрэ заметил, что девушка немного побледнела. Но не заплакала. Ее состояние походило на шок. Голосом, лишенным всякого выражения, она добавила:

- Я хотела сразу же уехать, но мадам не позволила.
- Почему, Бланш?
- Она могла нарваться на комиссара, приехавшего до вас. Я предпочла задержать ее и оградить свой дом от скандала. Если об этой истории заговорят газеты, мне наверняка придется прикрыть дело.
- Расскажите подробнее, Бланш, что именно вы видели. Где стоял стрелявший?
- Между машинами, как раз напротив двери.
- Вы хорошо его разглядели?

- Нет, уличный фонарь далеко. Я различила только фигуру.

- Это был человек высокого роста?

- Нет, скорее среднего. Широкоплечий, в темном. Он выстрелил три или четыре раза, я не считала. Господин Шабю поднес руку к животу, покачнулся и упал ничком.

Мегрэ наблюдал за девушкой. Признаков горя она не проявляла, хотя и казалась несколько подавленной.

- Вы его любили?

- Что вы имеете в виду?

- Давно вы его любовница? Ее как будто удивили эти слова.

- Все было не совсем так, как вы себе представляете. Если я была нужна, он давал понять. Но никогда не говорил о любви... И я тоже не думала о нем, как думают о любимом.

- В котором часу вас ждут дома?

- Между половиной десятого и десятью.

- Где вы живете?

- На улице Коленкур, у площади Константэн-Пекер.

- А где находится контора Шабю?

- На набережной Шарантон, за складами Берси.

- Вы будете там завтра утром?

- Да.

- Вы мне понадобится. Лапуэнт, проводи мадемуазель до метро, чтобы к ней не приставали репортеры - возможно, они успели уже что-нибудь пронюхать.

Мегрэ перекачивал на ладони трубку, словно не решаясь набить ее и раскурить в этой обстановке. Но кончил тем, что все же закурил.

Госпожа Бланш, скрестив руки на круглом животе, спокойно поглядывала на комиссара, как человек, которому решительно не в чем себя упрекнуть.

- Вы уверены, что не узнали стрелявшего?

- Готова поклясться.

- Случалось вашему клиенту приезжать сюда с замужними женщинами?

- Полагаю, что да.

- Часто?

- То чуть ли не ежедневно, то дней через десять - пятнадцать.

- Спрашивал его сегодня кто-нибудь по телефону?

- Нет.

Мегрэ вышел на улицу. Комиссар округа и врач уже уехали. Мороз все крепчал. Санитары из института судебной медицины, уложив труп на носилки, втаскивали их в крытую машину. Эксперты уголовного розыска тоже усаживались в свой грузовичок.

- Что-нибудь нашли?

- Четыре пустые гильзы. Калибр шесть тридцать пять.

Мелкий калибр. Дамский или любительский пистолет, из которого надо стрелять чуть ли не в упор...

- Газетчики уже были?

- Двое, но быстро смотались. Торопились дать материал для провинциальных выпусков.

Инспектор Фурке терпеливо ждал. Он приплясывал от холода.

- Шабю вышел из этого дома?
 - Да, - проворчал Мегрэ.
 - Сообщите что-нибудь для печати?
 - Постараюсь по возможности избежать этого. Его личные документы и бумажник у вас?
- Фурке вынул из кармана и передал Мегрэ бумаги убитого.
- Тут есть его адрес?
 - Площадь Вогезов. Вы намерены предупредить жену?
 - Конечно. Нехорошо, если она узнает обо всем из утренних газет.

На углу авеню Вилье виднелся вход в метро "Мальзерб", со стороны которого к ним торопливо подходил Лапуэнт.

- Благодарю за звонок, Фурке. Простите, что так долго держал вас на морозе. Ну и холодище сегодня.

Мегрэ втиснулся в маленькую, но теплую машину. Вернувшийся Лапуэнт сел за руль и вопросительно посмотрел на шефа.

- Площадь Вогезов.

Дорогой молчали. Снежная пыль запорошила решетку парка Монсо с ее позолоченными остриями. Проехав Елисейские поля, свернули на набережную и вскоре достигли дома Шабю.

Проходя мимо привратницкой, Мегрэ бросил:

- К госпоже Шабю.

Их ни о чем не спросили. Мегрэ с инспектором остановились на втором этаже у массивной дубовой двери, где красовалась медная дощечка с выгравированной надписью: "Оскар Шабю". Было еще только половина одиннадцатого. Комиссар позвонил. Немного погодя дверь отворилась, и молодая горничная в фартуке и батистовом чепчике вопросительно посмотрела на пришельцев. Это была хорошенькая брюнетка, черное шелковое платье выгодно подчеркивало ее формы.

- Госпожа Шабю дома?
- Как прикажете доложить?
- Комиссар Мегрэ из Уголовной полиции.
- Минутку.

Из комнат доносились не то звуки радио, не то телевизора. Какие-то голоса переговаривались между собой. Возможно, показывали спектакль.

Вдруг все смолкло, и мгновение спустя появилась женщина лет под сорок в пеньюаре изумрудного цвета. Лицо ее выражало удивление и беспокойство.

Красивая, грациозная, она приятно поражала изяществом движений.

- Прошу, господа.

Хозяйка провела их в просторную гостиную. У телевизора, который, видимо, только что выключили, стояло кресло.

- Садитесь, пожалуйста. Уж не случилось ли что-нибудь с мужем?
- К сожалению, сударыня.
- Он ранен?
- Увы, наша весть еще прискорбнее.
- Вы хотите сказать...

Мегрэ утвердительно кивнул головой.

- Бедный Оскар. - Она не заплакала, только понурила голову. - Он был один в машине?

- Речь идет не о дорожной катастрофе. В него кто-то стрелял.

- Женщина?

- Нет, мужчина.

- Бедный Оскар! повторила госпожа Шабю. - Где это произошло? - И видя, что Мегрэ заколебался, сочла нужным добавить:

- Не бойтесь, говорите прямо: я ведь знала все. Мы давно разлюбили друг друга. Не сохранилась даже супружеская близость. Для меня он оставался лишь добродушным малым. Я видела в Оскаре то, что он тщательно скрывал от других, - неуверенность в себе. А на людях он был заносчив, орал на них и с удовольствием грохал кулаком по столу.

- Вам известен дом на улице Фортюни?

- Да. Он возил туда всех своих любовниц. Я даже знакома с этой симпатичной госпожой Бланш: однажды мужу вздумалось показать мне это местечко. Я же говорю, мы оставались добрыми друзьями. С кем был он на этот раз?

- Со своей личной секретаршей.

- С Кузнечиком? Это он прозвал ее так. Так ее все и звали.

Лапуэнт во все глаза смотрел на госпожу Шабю, совершенно ошеломленный ее невозмутимостью.

- В него стреляли в самом доме?

- Нет, на тротуаре, в тот момент, когда он садился в машину.

- Преступник задержан?

- Успел убежать и скрыться в метро. Простите, сударыня, но раз уж вы в курсе любовных увлечений вашего мужа, не приходит ли вам на память, кто мог особенно желать ему смерти?

- Да кто угодно, - обезоруживающе улыбнулась госпожа Шабю. - Любой из обманутых мужей, любая брошенная любовница. На свете есть еще ревнивцы.

- Он не получал угрожающих писем?

- Не думаю. Он был в интимных отношениях с женами некоторых наших приятелей, но я не вижу среди них ни одной, чей муж способен из ревности убить любовника. Не заблуждайтесь насчет Оскара. Он не был из породы пожирателей сердец. Скотом, несмотря на свою внешность, - тоже. Я, вероятно, удивлю вас, если скажу, что он был человек робкий и поэтому испытывал постоянную потребность в самоутверждении. И ничто его так не убеждало в своей полноценности, как сознание, что он может овладеть любой женщиной.

- И вы всегда были к нему так снисходительны?

- Первое время он все от меня скрывал. Потом я стала узнавать, что он спит то с одной, то с другой из моих подруг. Однажды я застала его врасплох с любовницей. Произошел долгий откровенный разговор, но мы остались друзьями. Теперь понимаете? Тем не менее смерть его большая потеря для меня. Мы так привыкли друг к другу. И мы любили друг друга.

- Он тоже не ревновал вас?

- Оскар предоставил мне полную свободу действий, но из мужского самолюбия старался не вникать в подробности моей личной жизни. Где находится тело?

- В институте судебной медицины. Я вынужден просить вас заехать туда утром, чтобы официально опознать убитого.

- Куда его ранило?

- В грудь и живот.

- Долго мучился?

- Смерть наступила почти мгновенно.

- Кузнечик была при этом?

- Нет. Господин Шабю вышел из дому первым.

- Значит, в ту минуту он был один?

- Да. У меня к вам еще просьба. Не составите ли вы к завтрашнему дню список своих приятельниц, которые могли состоять в интимной связи с вашим мужем?

- Вы убеждены, что стрелял мужчина?

- Так утверждает госпожа Бланш.

- Она не успела закрыть за Оскаром?

- Она подсматривала через дверной глазок. Благодарю вас, госпожа Шабю. Сожалею, что принес вам печальную весть. И простите, последний вопрос: живет ли в Париже кто-нибудь из родственников покойного?

- Да, его отец, старик Дезире. Ему семьдесят три года. Но он все еще не хочет оставить свое бистро на набережной Турнель. Оно называется "В маленьком Сансере". Дезире давно овдовел и живет с одной из официанток, женщиной лет пятидесяти. В машине Мегрэ спросил Лапуэнта:

- Ну как?

- Довольно любопытная особа. А вы верите тому, что она говорит?

- Безусловно.

- Нельзя сказать, чтобы она особенно горевала.

- Это придет. Может быть уже сегодня ночью, когда она ляжет спать одна. Поплачет, вероятно, и горничная: она наверняка спала с хозяином.

- Маньяк он был, что ли?

- В какой-то мере да. Есть люди, которым такие любовные связи необходимы, чтобы поверить в себя. Его жена очень верно это подметила...

Едем теперь к старому Дезире. Только бы он еще не закрыл уже свой кабачок.

Они подкатили к бистро "В маленьком Сансере" как раз в ту минуту, когда седой человек в синем фартуке из плотной ткани опускал железные шторы. Сквозь приоткрытую дверь виднелись стулья, поднятые на столы, опилки на полу и грязные стопки на оцинкованной стойке.

- Закрыто, господа.

- Нам необходимо поговорить с вами.

- Со мной? А вы кто такие будете?

- Мы из уголовной полиции.

- Вот оно что! Какие же у меня могут быть с вами дела? - Старик нахмурился. - Ну что ж, заходите.

Вошли в бистро. Дезире запер дверь. Большая печь в углу излучала тепло.

- Речь не о вас, а о вашем сыне. Дезире недоверчиво смотрел хитроватыми глазами крестьянина.

- И что же натворил мой сын?

- Ничего. С ним стряслась беда.

- Я всегда говорил ему: не гоняй на большой скорости. Тяжело ранен?

- Не ранен - убит.

Старик ушел за стойку. Молча налил себе виноградной водки, одним глотком осушил стопку.

- Выпьете? - спросил он.

Мегрэ утвердительно кивнул. Лапуэнт отказался: он терпеть не мог виноградной водки.

- Как это случилось?
- Его застрелили из пистолета.
- Кто?
- Это я и выясняю.

Морщинистое лицо старого Шабю осталось бесстрастным, только взгляд еще больше посуровел.

- Невестка знает?
- Да.
- Что она говорит?
- Ей известно не больше, чем нам.
- Шестой десяток лет я стою за этой стойкой... Идите за мной. - Старик провел их в кухню и зажег свет. - Посмотрите.

На стене висела фотография мальчугана лет семи-восьми, с обручем в руке. На другом снимке тот же мальчуган был уже в костюмчике для первого причастия.

- Это он. Тут, на антресоли, и родился. В этом же квартале бегал в начальную школу, потом в лицей. Дважды проваливался на выпускных экзаменах. Стал агентом по сбыту вин. Стаптывал башмаки, бегал по домам.

Потом виноторговец из Макона взял его помощником в парижскую контору.

Оскар у не всегда сладко жилось, поверьте, он немало погнул спину.

Женившись, он едва мог прокормить жену.

- Он ее любил?

- А как же! Она служила у его хозяина машинисткой. Сперва они устроились в тесной квартирке на улице Сент-Антуан. Детей у них не было, Оскар готовился завести свое дело, но я ему не советовал: был уверен, что он прогорит. А вышло наоборот: ему повезло. За что ни возьмется - во всем удача. Видали на Сене его баржи с "Вином монахов"? Впрочем, чтобы выбиться наверх, одной удачи мало. Надо быть крутым, никому не давать спуска. Его богатство обернулось нищетой для многих мелких торговцев, и хоть он сам тут вроде бы ни при чем, врагов у него довольно. Люди есть люди.

- Вы хотите сказать, что покушение мог совершить кто-нибудь из разорившихся конкурентов?
- Скорее всего так.

Дезире не упоминал ни любовниц своего сына, ни их мужей. Интересно, он в курсе дела?

- Не назовете ли кого-нибудь, кто затаил на него обиду?

- Сам я ничего такого не знаю, на складах Берси вам смогли бы порассказать об этом. - Старик пожал плечами. - Сын слыл там за человека, с которым шутки плохи.

- Часто он вас навещал?

- Можно сказать, никогда. С тех пор, как он обзавелся собственным делом, мы перестали понимать друг друга.

- Вы не могли простить ему жестокости к людям?

- Это или другое - какая разница? - И неожиданно, слегка дрожащим указательным пальцем Дезире смахнул со щеки слезу, одну-единственную. Когда можно будет взглянуть на него?

- Завтра утром в институте судебной медицины.

- Это там, внизу, на том берегу?

Старик снова наполнил стопки. Взгляд его был устремлен в одну точку.

Мегрэ выпил и, простившись с Дезире, занял свое место в машине.

- Сначала отвези меня, потом уже поедешь к себе, - сказал он Лапуэнту.

Было около полуночи, когда он поднялся по лестнице и увидел жену, поджидавшую на площадке у приоткрытой двери.

- Ты не простыл? - обеспокоенно спросила она.

- Я почти не был на улице - раскатывал в машине.

- Но ты охрип...

- Но я же не кашляю. Насморка тоже нет.

- Посмотрим, что будет утром. А пока я приготовлю тебе грог и дам две таблетки аспирина...
Твой мальчишка сознался?

Мадам Мегрэ знала, что Стирнэ убил свою бабуку.

- Без всяких усилий с моей стороны.

- Убил из-за денег?

- Он безработный. Три месяца не платил хозяйке. Его согнали с квартиры.

- Садист?

- Какое там? Просто у него развитие десятилетнего ребенка. Не отдает себе отчета ни в том, что случилось, ни в том, что его ждет. На вопросы отвечает без уверток и старательно, как школьник.

- Выходит, он неменяемый?

- К счастью, решать это не мне, а суду.

- Кто будет его защищать?

- Как всегда, адвокат из начинающих, никому в суде не известный: у мальчишки всего три франка в кармане... Но задержался я не из-за него, а из-за человека весьма заметного. Его застрелили, когда он выходил из самого шикарного дома свиданий в Париже...

- Ну, я пошла варить грог, а то уже вода кипит.

Мегрэ стащил с себя волглую одежду, натянул пижаму и, поколебавшись, набил трубку. Вместе с привычным вкусом и запахом табака он ощутил противный привкус простуды.

Глава II

Когда жена, принеся утреннюю чашку кофе, коснулась рукой его плеча, Мегрэ испытал, как в детстве, соблазн пожаловаться на недомогание, чтобы ему разрешили еще немного поваляться в теплой постели.

Голова болела, ломило в висках. Лоб покрылся испариной. Оконные стекла заливал ровный молочно-белый свет, словно они были матовыми.

Мегрэ выпил кофе и решил вставать. Ворча, он подошел к окну взглянуть, что делается на улице. В утреннем тумане мелькали первые редкие прохожие. Засунув руки в карманы, они торопились в метро.

Все еще не стряхнув с себя сон, Мегрэ допил кофе, а затем долго стоял под душем. Потом побрился, думая о Шабю, образ которого неотступно преследовал комиссара.

Кто из тех, кто рисовал ему этот образ, ближе всего к истине? Для Бланш он был только клиентом, одним из самых выгодных клиентов, никогда не забывавшим заказать шампанское. Шабю сорил деньгами, чтобы продемонстрировать всем, как он богат, и с великим удовольствием рассказывал: "Я начинал простым торговым агентом, таскался из дома в дом. А отец и сейчас еще держит кабачок на набережной Турнель. Он у меня малограмотный".

Кем Шабю был на самом деле для Кузнечика? Мегрэ чувствовал, что убитый ей был не безразличен. Анна-Мари знала, что она далеко не единственная, с кем Шабю уединяется в тихом отеле на улице Фортюни, однако не похоже было, чтобы она ревновала.

Еще менее ревнивой оказалась госпожа Шабю. Мегрэ припоминал некоторые детали, поразившие его в доме на площади Вогезов. Например, портрет маслом, в натуральную величину, висевший на стене в гостиной. Шабю презрительно смотрел в пространство, сжав кулак и словно готовясь нанести удар.

- Как ты себя чувствуешь?

- После второй чашки кофе окончательно буду в порядке.

- А все-таки прими аспирин и поменьше выходи сегодня на улицу. Я сейчас вызову такси по телефону.

По дороге на набережную Орфевр Мегрэ ни на минуту не забывал о виноторговце. Он чувствовал, что как только вдохнет жизнь в этот расплывчатый образ, поймет характер Шабю, найти убийцу уже не составит труда.

Туман все не рассеивался, и комиссар вынужден был включить свет. Он распечатал почту, подписал несколько распоряжений и ровно в девять направился в кабинет шефа. Мегрэ коротко доложил о Тео Стирнэ.

- Вы считаете его умственно отсталым?

- Нет никакого сомнения, что адвокат будет строить защиту именно на этом, если только не предпочтет тему трудного детства и тяжелой наследственности. Но парень нанес пятнадцать ударов кочергой, и у прокурора есть основание говорить о садистских наклонностях, тем более что убита родная бабка. Стирнэ явно не отдает себе отчета в том, что его ждет, и старательно отвечает на вопросы. Он не видит в своем поступке ничего из ряда вон выходящего.

- Так. Ну, а преступление на улице Фортюни, о котором очень кратко сообщили утренние газеты?

- Об этом деле еще много будут писать. Шабю - человек богатый и известный. Даже в метро то и дело натыкаешься на рекламу фирмы "Вино монахов".

- Преступление на почве ревности?

- Пока не знаю. Покойный, кажется, делал все, чтобы нажить себе врагов. Придется искать одновременно в разных направлениях.

- Верно, что он вышел из дома свиданий?

- Вы и это прочли в газетах?

- Нет, но предположение напрашивается само собой, я знаю улицу Фортюни.

Мегрэ вернулся в свой кабинет, размышляя о госпоже Шабю. Она тоже не заплакала, хотя случившееся, видимо, было для нее ударом. Насколько она моложе мужа? Лет на пять или шесть. Откуда взялись у нее такая элегантность и уверенность в себе, сквозившая в каждом жесте и слове?

Шабю встретился с ней, когда ему приходилось туго затягивать ремень, а она была простой машинисткой. Но и теперь, одеваясь у лучших парижских портных, виноторговец выглядел простоватым и неуклюжим. Он словно не успел еще привыкнуть к своему стремительному взлету и вечно старался выставить напоказ свое богатство.

Разумеется, их квартиру, если оставить в стороне нелепый портрет в гостиной, обставила жена. Современность и старина, гармонично сочетаясь, создавали приятный ансамбль, где каждый чувствовал себя удобно и уютно.

Что она теперь делает? Вероятно, готовится ехать в институт судебной медицины. Но и там, в тягостной атмосфере помещения, прежде именовавшегося моргом, госпожа Шабю останется невозмутимо спокойной...

- Ты здесь, Лапуэнт?

- Да, патрон.

- Едем. На набережную Шарантон. - Мегрэ натянул тяжелое пальто, обернул шею шарфом, нахлобучил шляпу и, выходя из кабинета, раскурил трубку. Во дворе они сели в одну из машин.

- Куда? - осведомился Лапуэнт.

- Набережная Шарантон.

Они покатали по набережной Берси, вдоль которой за решетчатой оградой высились бесконечные склады. На каждом было выписано имя владельца. Три самых больших принадлежали Шабю. Со стороны реки, у пристаней, тянулись штабеля бочек, непрерывно сгружаемых с барж. Всюду "Вино монахов". Везде Оскар Шабю.

В тупике стояла старинная каменная постройка. На просторном дворе, также загроможденном бочками, грузили в крытые фургоны ящики с бутылками. Погрузкой, по всей видимости, руководил человек с отвислыми усами, в синем фартуке.

- Сейчас загоню машину во двор и готов сопровождать вас.

Даже во дворе чувствовался сильный запах солода. Он преследовал и в широком коридоре, у входа в который висела эмалевая табличка: ~"Входите без звонка". Одна из дверей слева была открыта. В довольно мрачной комнате, у телефонного коммутатора, сидела косенькая девушка.

- Что вам угодно?

- Мне нужен личный секретарь господина Шабю. В глазах телефонистки мелькнуло подозрение.

- Вы хотите говорить именно с ней?

- Да.

- Вы с ней знакомы?

- Да.

- И вам известно, что произошло?

- Да. Передайте, что ее хочет видеть комиссар Мегрэ.

Девушка еще внимательнее посмотрела на Мегрэ. Потом перевела взгляд на юного Лапуэнта, который явно произвел на нее большое впечатление.

- Алло, Анна-Мари? Тут пришел некий комиссар Мегрэ и еще молодой человек, не знаю его имени. Хотят тебя видеть. Ага. Ладно. Я их провожу.

Стены пыльной лестницы давно требовали свежей окраски. По пути Мегрэ и Лапуэнту встретился молодой человек с кипой бумаг в руках. Вверху на площадке уже поджидала Анна-Мари. Она проводила их к своему рабочему месту в кабинете Шабю, просторном, но лишенном всяких притязаний на роскошь.

Обставили его, видимо, лет пятьдесят назад, он был такой же мрачный, как двор и весь дом, и так же пропитан острым винным запахом.

- Вы от нее?

- От кого?

- От его жены?

- Да. Вы ее знаете?

- Когда патрон болел гриппом, меня вызывали на площадь Вогезов.

Красивая женщина, правда? И очень умная. Патрон не раз обращался к ней за советом.

- Не ожидал я увидеть здесь такую старомодную обстановку.

- В другой конторе, на авеню Опера, все на современный лад. На фасаде огромная неоновая реклама. Прекрасное освещение. Комфорт. Связь с пятнадцатью тысячами торговых точек, и число их каждый год возрастает.

Расчеты производят электронно-вычислительные машины.

- А здесь?

- Здесь старый дом и сохраняются прежние порядки. Это производит хорошее впечатление на клиентов из провинции. Патрон ежедневно бывал на авеню Опера, но охотнее работал здесь.

- Он брал вас с собой туда?

- Изредка. Там у него другой секретарь.

- А кто еще руководит делом?

- Полностью господина Шабю не замещал никто. Он никому не доверял.

Погребами у нас заведует мсье Лепетр. Он же занимается производством.

Есть еще бухгалтер мсье Риоль, но он принят недавно, всего несколько месяцев, и четыре машинистки, работающие в комнате напротив.

- И все?

- Телефонистку вы видели. Ну, и я, наконец. Как бы вам объяснить? Мы являемся чем-то вроде штаба, а вся основная работа производится на авеню Опера.

- Сколько времени проводил там патрон?

- Час-два.

Конторка в виде цилиндра, тоже оставшаяся от добрых старых времен, была завалена бумагами.

- Другие машинистки так же молоды, как вы?

- Вам нужно их видеть?

- Позже.

- Старшей, мадемуазель Берте - тридцать два. Она работает здесь дольше всех. Младшей двадцать один.

- Почему Шабю именно вас сделал своим секретарем?

- Ему потребовалась новая секретарша. Он хотел, чтобы до этого она еще нигде не работала. Патрон дал объявление, и я пришла. Больше года назад. Мне не было и восемнадцати. Он нашел меня забавной и первым делом поинтересовался, есть ли у меня любовник.

- А он у вас был?

- Нет. Я тогда только что окончила курсы.

- И скоро он начал за вами ухаживать?

- Он вовсе не ухаживал. На следующий день позвал меня к себе, чтобы показать мне документацию, и овладел мною. Должен же я, говорит, знать, с кем имею дело.

- А потом?

- Через неделю повез меня на улицу Фортюни.

- И никто из девушек вас к нему не приревновал?

- Все они прошли через это.

- Здесь?

- Здесь или в другом месте, какая разница? Он это проделывал так просто, что на него злиться невозможно было. Только одна девушка... Она поступила позже меня и на третий день ушла, хлопнув дверью.

- Знал кто-нибудь в конторе, что среда - ваш день?

- Наверное, все знали. Я уходила вместе с патроном, и мы садились в его машину. Он не прятался от людей. Наоборот, скорее даже похвалялся этим.

- А кто работал секретарем до вас?

- Госпожа Шазо. Теперь она сидит в комнате на другом конце коридора.

Ей двадцать шесть. Была замужем. Разведена.

- Хороша собой?

- Фигура превосходная. Вот уж кого Кузнечиком не назовешь.

- Она не сердилась на вас?

- Вначале насмешливо улыбалась. Очевидно, была уверена, что я ему быстро надоем.

- Их связь тоже продолжалась?

- Вероятно. Господин Шабю иногда задерживал ее после работы. Все знали, что это означает.

- И она ничем не проявляла своего недовольства?

- При мне - никогда. Я же вам сказала, что госпожа Шазо только посмеивалась. Меня вообще никто не принимает всерьез. Даже мама, которая все еще считает меня девчонкой.

- И все-таки не могло ли у госпожи Шазо возникнуть желание отомстить ему или вам?

- На нее это не похоже. Она сама встречается с мужчинами. Иной раз после ночных развлечений ей трудно приниматься утром за работу.

- Ясно. Ну, а третья?

- Алина? Она еще моложе меня. Брюнетка. Взбалмошная. Кривляка.

Сегодня утром вдруг упала в обморок. Может быть, просто притворилась.

Потом разохалась и расплакалась.

- Она поступила сюда до вас?

- Да, но сначала служила в универмаге... Потом прочла, как и я, объявление Шабю. Все девушки были наняты по объявлению.

- И не одна не была так влюблена в Шабю, чтобы приревновать его и пойти на убийство? Бланш говорит, что стрелял мужчина. А почему не женщина в брюках? Было же темно?

- Нет, на нее не похоже, - решительно возразила Анна-Мари.

- На его жену тоже?

- Госпожа Шабю не ревнива. Она живет, как ей нравится. Муж был для нее только приятным спутником жизни.

- Приятным? Анна-Мари задумалась.

- Для тех, кто знал его, - да. На людях он держался заносчиво и грубо.

Любил корчить из себя босса. Считал, что успех среди женщин ему обеспечен. Но, узнав его поближе, вы не могли не заметить, что он простодушен, даже незащищен. Он часто спрашивал меня после близости:

"Что ты обо мне думаешь?" "А что я должна думать?" "Ты меня любишь? Ну, сознайся, ведь нет". "Все зависит от того, что вы понимаете под словом "любовь". Если вы имеете в виду близость, мне с вами хорошо". "Что будет, если ты мне надоешь и я тебя брошу?" "Не знаю. Переживу, наверное". "Что обо мне говорят другие девушки?" "Ничего. Да вы их знаете лучше, чем я".

- Расскажите мне теперь о мужчинах, - попросил Мегрэ.

- О тех, кто тут работает? Лепетра я вам уже называла, он вообще неразговорчив. Ему под шестьдесят. Опытный специалист. Работает спокойно, без шума. Говорят, когда-то имел собственное дело, но разорился. Видно, не нашлось в нем нужной для успеха хватки.

- Женат?

- Да. Двое из его сыновей тоже. Живет в Шарантоне, в маленьком домике в самом конце набережной. В контору ездит на велосипеде.

За окнами розовел туман. Сквозь него слабо просвечивало солнце. Сена дымилась. Лапуэнт делал записи в блокноте, который лежал у него на коленях.

- Фирма "Вино монахов" уже существовала, когда дело Лепетра пришло в упадок?

- По-моему, да.

- Как он относился к патрону?

- С уважением, но сдержанно.

- Они не спорили?

- В моем присутствии - никогда. А я обычно почти не отлучалась из кабинета.

- Вы говорите, что Лепетр - человек замкнутый?

- И замкнутый, и грустный. Не помню, чтобы он когда-нибудь улыбался.

А длинные отвислые усы делают его лицо еще более унылым.

- Кто еще работает в конторе?

- Бухгалтер - он же кассир - Риоль. Его кабинет внизу. Он ведает тем, что у нас называют малой кассой. Долго объяснять вам все тонкости.

Основные бухгалтерские операции и вся переписка с фирмами ведется на авеню Опера. А здесь обеспечивается снабжение и связь с виноградарями Юга - нашими постоянными поставщиками.

- Не влюблен ли этот Риоль в кого-нибудь из вас?

- Вряд ли. Пока это ни в чем не проявилось. Да вы сами увидите. Ему лет сорок. Он убежденный холостяк. От него плесенью пахнет. Робок, застенчив, куча причуд. Живет в семейном пансионе в Латинском квартале.

- Больше мужчин нет?

- В конторе - нет. Есть несколько рабочих на складах и в экспедиции.

В лицо я их знаю, но никакого отношения к ним не имею. Вы, наверно, думаете - до чего тут странный народ подобрался? Но кто знал патрона, тот нашел бы все это вполне естественным.

- Вам будет его недоставать?

- Не скрою, да.

- Он делал вам подарки?

- Он никогда не давал мне денег. Случалось, дарил какой-нибудь шарфик, попавшийся ему на глаза на витрине магазина.

- Кто же теперь возглавит дело?

- Не знаю. В конторе на авеню Опера главный помощник патрона по финансовой части господин Лусек. Он отвечает за годовой баланс и налоговую декларацию. Но в винах ничего не смыслит.

- А Лепетр?

- Я же вам сказала, что он плохой делец.

- Может быть, госпожа Шабю?

- Она прямая наследница мужа. Не знаю, захочет ли она повести дело, но уж если возьмется, то, конечно, справится. Эта женщина умеет добиваться своего.

Мегрэ внимательно слушал Анну-Мари, пораженный ее рассудительностью.

Ни один вопрос не смущал девушку и не заставлял врасплох. Ее прямоту очень к ней располагало. Трудно было удержаться от улыбки, видя, как она в разговоре помогает себе жестами, руками, ногами, всем своим длинным, угловатым телом.

- Вчера вечером я ездил на набережную де ла Турнель.

- К старику?

- Как они относились друг к другу?

- Насколько я заметила - плохо.

- Почему же?

- Они давно не ладили. Старый Шабю находил сына слишком бесчувственным и жестоким, отказывался принимать от него помощь: может быть, из принципа, несмотря на возраст, он все еще не закрывает свое бистро.

- Хозяин говорил с вами об отце?

- Редко.

- Что еще вы могли бы мне рассказать?

- Пожалуй, ничего.

- У вас был кто-нибудь, кроме Шабю?

- Нет. Мне вполне его хватало.

- Вы останетесь здесь работать?

- Если оставят.

- Где кабинет Лепетра?

- Внизу. Окна выходят на задний двор.

- Теперь я на минутку забегу к вашим сослуживицам.

В комнате машинисток тоже горели лампы. Две девушки печатали, третья, постарше, разбирала почту.

- Извините, что отвлекаю. Я комиссар Мегрэ, веду расследование.

Очевидно, мне придется побеседовать с каждой из вас в отдельности. А сейчас я хочу лишь выяснить, нет ли у кого-нибудь каких-либо подозрений.

Девушки переглянулись. Мадемуазель Берта, толстуха лет тридцати, слегка покраснела.

- У вас, например? - обратился к ней Мегрэ.

- Я никого не подозреваю. Я поражена, как и все.

- Вы прочли об убийстве в газетах?

- Нет, я узнала о нем, когда пришла на службу.

- Не можете ли вы назвать кого-нибудь из недругов покойного?

Девушки снова обменялись взглядами.

- Пожалуйста, не стесняйтесь. Я уже достаточно наслышан о вкусах и привычках вашего патрона. В частности, о его особом пристрастии к женскому полу. Возможно, в это дело замешан чей-нибудь муж или любовник, а может быть, и соперница?

Никто здесь не был расположен к откровенности.

- Подумайте на досуге, прошу вас. Малейший факт может оказаться полезным при розыске.

Мегрэ и Лапуэнт спустились к бухгалтеру, который выглядел точно таким, как его описала Анна-Мари.

- Давно вы здесь служите, господин Риоль?
- Пятый месяц. До этого работал в магазине кожаной галантереи на Больших бульварах.
- Что вам было известно о любовных приключениях хозяина?

Бухгалтер покраснел, раскрыл было рот, но так и не нашел, что ответить на столь прямо поставленный вопрос.

- Можете вы назвать кого-либо из посетителей, которому Шабю дал бы повод для ненависти?
- Но за что им его ненавидеть?
- Говорят, он был слишком крут и в делах и с теми, кто от него зависел. Так?
- Да уж мягким его не назовешь, - согласился Риоль и тут же пожалел о своем ответе: ему не следовало высказывать собственное мнение.
- И госпожу Шабю вам приходилось видеть?
- Иногда она заезжала сюда со счетами своих поставщиков, хотя чаще присылала их почтой. Очень простая и приветливая дама.

- Благодарю, господин Риоль.

Оставался только унылый Лепетр. Его кабинет выглядел еще старомоднее и провинциальней, чем у владельца фирмы. Заведующий производством сидел за черным столом, на котором были расставлены образцы разных вин. Он угрюмо взглянул на вошедших.

- Полагаю, господин Лепетр, вы догадываетесь, что может нас интересовать?

Лепетр кивнул. Один его ус свисал ниже другого. Он курил трубку, распространявшую едкий запах крепкого табака.

- Видимо, - продолжал Мегрэ, - у кого-то оказались достаточно веские причины искать смерти Шабю. Вы давно с ним работаете?

- Тринадцать лет.
- И всегда были им довольны?
- Я никогда ни на что не жаловался.
- Хозяин всецело вам доверял?
- Он доверял только себе.
- Но тем не менее считал вас одним из главных своих помощников?

Лепетр не ответил. Лицо его ничего не выражало. Макушка у него была прикрыта маленькой шапочкой. "Лысину прячет", - невольно подумал Мегрэ.

- Ничего не добавите?

- Нет.

- Может быть, он упоминал при вас кого-нибудь, кто устно или письменно угрожал, что разделается с ним?

- Нет.

Мегрэ понял, что настаивать бесполезно, и сделал Лапуэнту знак следовать за ним.

- Благодарю, господин Лепетр.

- Не за что.

Лепетр закрыл за ними дверь.

В машине простуда вновь дала себя знать. Несколько минут Мегрэ непрерывно кашлял и сморкался. Лицо его побагровело, из глаз текли слезы.

- Прости, малыш, я уже с утра чувствовал, что мне не избежать гриппа.

Поехали на авеню Опера. Ба, да ведь мы не спросили номера дома!

Однако они легко нашли фирму по большим светящимся буквам "Вино монахов", протянувшимся по верху внушительного здания. В нем помещалось немало других крупных учреждений, в том числе один иностранный банк и юридическая консультация.

На третьем этаже они вошли в приемную - просторную, высокую, выложенную кафелем. У хромированных столиков сидело несколько клиентов, остальные кресла, тоже по-современному металлические, были свободны. На стенах висели три красочные рекламы, как на переходах в метро. Каждая изображала веселого чревоугодника-монаха со стаканом вина в руке.

На первой рекламе вино было красное, на второй - белое, на третьей - розовое.

Стеклянная перегородка отделяла от приемной большую комнату, где работали не меньше трех десятков мужчин и женщин. В глубине, за второй перегородкой, также разместились, сотрудники. Все было залито ярким светом, оборудовано на современный лад, обставлено по последней моде.

Мегрэ подошел к окошечку, собираясь обратиться к юной дежурной, но вынужден был вытащить носовой платок и высморкаться. Девушка терпеливо ждала.

- Простите, могу я видеть господина Лусека?

- Заполните, пожалуйста, бланк, - ответила девушка и протянула листок, на котором было напечатано: "Фамилия, имя" и немного ниже: "Цель визита". Он написал всего два слова: "Комиссар Мегрэ".

Девушка исчезла за дверью, расположенной напротив, и довольно долго не возвращалась. Наконец она пригласила их во вторую приемную, более уютную, но также выдержанную в стиле модерн.

- Господин Лусек незамедлительно примет вас. Он говорит по телефону Действительно, ждать не пришлось. Другая девушка ввела их в обширный кабинет, тоже производивший впечатление ультрасовременного.

Низенький человек встал из-за стола и протянул руку.

- Комиссар Мегрэ?

- Да.

- Стефан Лусек. Прошу садиться.

Лицо Лусека, с длинным шишковатым носом, испещренным тонкими синеватыми прожилками, с торчащими из ушей и ноздрей пучками волос, густыми, всклокоченными бровями сантиметра в два шириной, было отталкивающе уродливым. Костюм явно нуждался в глажении, воротничок под галстуком был целлулоидным.

- Вы по поводу убийства мсье Шабю?

- Угадали.

- Я давно уже поджидаю кого-нибудь из полиции. Утренние газеты я не успеваю просматривать: мой день начинается очень рано. О случившемся меня известила вчера по телефону госпожа Шабю.

- Я не знал об этой конторе и поехал прямо на набережную Шарантон.

Насколько я понял, Оскар Шабю работал преимущественно там?

- Да, но приезжал сюда ежедневно. Он предпочитал за всем наблюдать сам.

Взгляд Лусека был бесстрастен, голос лишен модуляций.

- Вам известен кто-нибудь, на кого может пасть подозрение?

- Нет.

- По слухам, Шабю был очень богат и, сколачивая состояние, несомненно, проявлял беспощадность...

- Об этом мне также неизвестно.

- Не является секретом и его повышенный интерес к женщинам...

- Меня не занимала частная жизнь Оскара Шабю.

- Где его письменный стол?

- Здесь. Напротив моего.

- Он приезжал сюда со своей секретаршей?

- Нет. Здесь вполне достаточно персонала. Лусек не давал себе труда ни улыбнуться, ни как-нибудь иначе выразить свои чувства.

- Давно вы работаете на фирму?

- Еще до того, как была открыта эта контора.

- А прежде чем занимались?

- Тем же, что и теперь. Моя специальность - финансы.

- В ваши обязанности входит составление налоговых деклараций?

- Помимо прочего, и это.

- Не вы ли займете место Шабю?

Мегрэ пришлось снова заняться своим носом, и он почувствовал, что у него вспотел лоб. И снова, в который уже раз, стал извиняться.

- Простите...

- Не торопитесь. На ваш вопрос не так просто ответить. Фирма принадлежит не акционерной компании, а господину Шабю. Ее унаследует госпожа Шабю, если это не будет противоречить завещанию покойного.

- Вы с ней в хороших отношениях?

- Мы почти не знакомы.

- Но ведь вы были правой рукой Оскара Шабю?

- Я занимался клиентурой и сбытом. У нас больше пятнадцати тысяч торговых точек, рассеянных по стране. Сорок служащих здесь и около двадцати инспекторов разъезжает по провинции. Кроме того, есть отдел, ведающий Парижем и пригородами. Он размещается этажом выше. Отделы экспорта и рекламы также.

- Много ли женщин среди персонала?

- Простите?

- Я спрашиваю, много ли среди служащих женщин и девушек?

- Н-не знаю...

- Кто ведает наймом?

- Я.

- Оскар Шабю в эти дела не вмешивался?

- Почти нет.

- Не ухаживал ли он за кем-нибудь из сотрудниц?

- Не замечал.

- Если я правильно понял, вы отвечаете за все виды сбыта?

Вместо ответа Лусек опустил глаза.

- Не исключено, что вы сохраните за собой должность и, кроме того, примете руководство конторой на набережной Шарантон?

Лусек опять промолчал.

- Были у кого-нибудь из служащих причины для недовольства хозяином?

- Не слышал.

- Вы, разумеется, хотели бы видеть убийцу за решеткой?

- Безусловно.

- Должен сказать, что пока вы мне решительно ничем не помогли.

- Сожалею.

- Какого вы мнения о госпоже Шабю?

- Очень умная женщина.

- Как можно охарактеризовать ваши отношения?

- Вы уже спрашивали об этом. И я вам ответил, что мы едва знакомы.

Госпожа Шабю здесь почти не бывала, а мне не часто случалось ездить на площадь Вогезов; я не принадлежу к числу лиц, посещающих званые обеды и вечера.

- А Шабю уделял много внимания светской жизни?

- На этот вопрос могла бы лучше ответить его жена.

- Известно вам что-нибудь о завещании?

- Нет.

Мегрэ видел, что разговор ни к чему не приведет. Лусек решил молчать и будет молчать до конца.

Комиссар поднялся, чувствуя, что у него начинает кружиться голова.

- Попрошу вас прислать на набережную Орфевр список служащих фирмы, указав их адреса и возраст.

Лусек молча кивнул и позвонил. Та же девушка проводила посетителей к выходу. Перед тем как сесть в машину, Мегрэ зашел в бар выпить стаканчик рома. Лапуэнт ограничился фруктовым соком.

- А теперь куда?

- Скоро полдень. Ехать к госпоже Шабю? Нет, пожалуй, поздно. Вернемся к себе. Закусим в пивной "Дофин".

Из телефонной будки Мегрэ позвонил домой, на бульвар Ришар-Ленуар.

- Что там у нас на обед? Нет, не приеду. Сохрани мою порцию на ужин.

Верно, охрип. Только и делаю, что сморкаюсь. До вечера.

Комиссар был в дурном настроении.

- У всех, кого ни возьми, хватало причин желать Шабю смерти, - сказал он, - но лишь один дошел в своей ненависти до конца и застрелил его. А люди, к преступлению непричастные, не только не помогают нам найти, этого одного, но скорее ставят палки в колеса. Лишь Анна-Мари, смешной Кузнечик, искренне и охотно отвечала на все, о чем бы я ее ни спрашивал.

Что ты о ней думаешь?

- Вы правы, шеф. Она, может, и смешная, но на жизнь смотрит трезво и одурачить, себя не даст.

На столе в кабинете Мегрэ уже лежало заключение судебно-медицинской экспертизы. Одна пуля угодила Шабю в полость живота, две - в грудь, четвертая застряла ниже плеча.

Мегрэ вызвал Люка.

- Звонил мне кто-нибудь?

- Нет, шеф.

- Докладную прокурору отослал?

- Еще утром, как только пришел на службу.

- Как ведет себя парнишка в камере?

- Спокойно. Я даже сказал бы - равнодушно. Его нисколько не волнует, что он под замком. В общем, не портит крови ни себе, ни другим.

Мегрэ и Лапуэнт отправились в пивную "Дофин". Два адвоката в мантиях и несколько инспекторов, не принадлежащих к бригаде Мегрэ, поздоровались с ними и прошли в обеденный зал.

- Чем сегодня кормите? - спросил Мегрэ у хозяина.

- Рагу из говядины под белым соусом. Останетесь довольны.

- Скажите, что это за "Вино монахов"?

- Не лучше и не хуже вин, которые прежде продавали в розлив. Смесь южных с алжирскими. Но сегодня людям нравится пить из бутылок с яркими и непривычными названиями.

- Вы его держите?

- Нет, увольте. Не угодно ли стаканчик бургундского? Отлично подойдет к белому соусу.

Вместо ответа Мегрэ поднес платок к носу - Только войду в теплое помещение, и на тебе - хлещет, как из крана.

- Почему бы вам не лечь в постель? - спросил Лапуэнт.

- Не стоит. Все равно не усну. У меня этот Шабю из головы нейдет.

Можно подумать, он нарочно нарвался на пулю, чтобы усложнить нам жизнь.

- Что вы думаете о его жене?

- Пока ничего определенного. Вчера она была любезна, несмотря на свалившееся на нее несчастье, и хорошо собой владела. Пожалуй, слишком хорошо. Похоже, что если она не прямо потворствовала мужу, то, во всяком случае, была весьма снисходительна к его шашням. Сейчас мы отправимся к ней. Посмотрим, не придется ли переменить о ней мнение. Не доверяю я чересчур безупречным людям.

Рагу оказалось в самый раз, соус золотистый, ароматный. Они съели по груше, выпили кофе и в начале третьего вошли в дом на площади Вогезов.

Та же горничная открыла им и попросила подождать, пока она доложит.

Возвратившись, она проводила их, но не в гостиную, как накануне, а в будуар, куда в ту же минуту вошла Жанна Шабю. На ней было черное платье без всяких украшений, скромное, но отличного покроя.

- Присядьте, господа. Я недавно приехала оттуда и все никак не могу притронуться к завтраку.

- Когда привезут тело?

- К пяти вечера. Но до этого зайдет агент похоронного бюро. Надо решить, где поставить гроб для прощания. Лучше всего, пожалуй, здесь.

Гостиная слишком велика.

Освещенный большим, доходящим почти до пола окном, будуар был таким же светлым и веселым, как другие комнаты, но в нем еще больше чувствовался вкус госпожи Шабю.

- Вы сами выбрали мебель и обои?

- Да. Мне всегда нравилась работа декоратора. Я даже хотела специализироваться в этой области... Мой отец - букинист, его лавка на улице Жакоб, недалеко от Академии изящных искусств, а в том квартале полно антикваров.

- Как же вышло, что вы сделали машинисткой?

- Стремилась пораньше стать независимой. Надеялась, что смогу посещать вечерние курсы. Ну, а потом познакомилась с Оскаром.

- И быстро сошлись с ним?

- В тот же вечер. Такой уж он был. Не удивляйтесь.

- Господин Шабю сделал вам предложение?

- Не хватало, чтоб я сама просила его об этом! Ему приелась жизнь в меблированных комнатах, где надо было готовить обед на спиртовке. В те годы он очень мало зарабатывал.

- И вы продолжали работать?

- Только первые два месяца. Потом он запретил. Смешно вспоминать теперь, как он был ревнив в те времена.

- И верен вам?

- Я не сомневалась.

Наблюдая за ней, Мегрэ испытывал какое-то чувство неловкости. Чего-то она все-таки недоговаривает. Красивое лицо мадам Шабю было слишком неподвижным, как будто ей подтянул кожу хирург-косметолог.

Светло-голубые широко раскрытые глаза придавали лицу выражение невинности и чистосердечия. Она почти не мигала.

- Я подготовила список, о котором вы просили. - Она протянула руку к листку почтовой бумаги, лежавшему на столике в стиле Людовика XV, и передала его Мегрэ. Почерк у нее был крупный, разборчивый, без завитушек. - Сюда вписаны только те, чьи жены, по всей вероятности, находились в близких отношениях с моим мужем.

- Значит, вы не во всех вполне уверены?

- До конца - нет. Но по тому, как Оскар вел себя с некоторыми женщинами на вечерах, у меня в большинстве случаев не оставалось сомнений.

Мегрэ вполголоса читал список:

- Анри Лежандр...

- Промышленник... Постоянно разъезжает между Парижем и Руаном.

Мари-Франс его вторая жена. На пятнадцать лет моложе.

- Ревнив?

- Думаю, да. Но она намного хитрее супруга. У них загородный дом в Мезон-Лафите, где они принимают по уик-эндам.

- Вы бывали у них?

- Всего раз, у нас то и дело совпадали приемные дни. По воскресеньям мы приглашали на свою виллу в Сюлли-сюр-Луар, а лето проводили в Каннах.

Мы купили два верхних этажа в новом здании возле Палльм-Бич. На крыше развели сад.

- Пьер Мерло... - продолжал Мегрэ.

- Маклер. Его жена Люсиль, блондиночка с острым носиком. Ей давно за сорок, но она все еще пытается сойти за девчонку. Это, должно быть, забавляло Оскара.

- Ее муж был в курсе?

- Что вы! Он страстный игрок в бридж, и когда мы устраивали приемы, у него непременно находились партнеры, жаждущие запереться в одной из комнат, чтобы им не мешали.

- Оскар Шабю тоже играл?

- О, только не в эти игры! - неопределенно улыбнулась она.

- Жан-Люк Кокассон...

- Издает книги по искусству. Женился на молоденькой натурщице, слишком вольной на язык, хотя в общем-то пикантной.

- Мэтр Пупар? Уж не адвокат ли по уголовным делам?

Пупар - одно из светил адвокатуры, имя его часто мелькает в газетах.

Жена у него, кажется, американка, очень богатая.

Неужто и он ничего не подозревал?

- Мэтр Пупар постоянно выезжает в провинцию. У Пупаров великолепная квартира на острове Сен-Луи.

- Ксавье Торель? Министр?

- Представьте, да. Прекрасный человек!

- Можно предположить, что он является вашим личным другом?

- Что ж, вы не ошиблись. Я его очень люблю. Что касается Риты, его жены, то ни для кого не секрет, что она готова броситься на шею первому встречному.

- И муж это знает?

- Приходится мириться. По правде говоря, Ксавье платит ей той же монетой.

Новые фамилии. Новые имена. Врач. Архитектор. Жерар Обэн - банкир.

Буатель - модный портной с улицы Франциска I.

- Список легко продолжить. Мы знакомы с уймой людей, но, повторяю, я выбрала тех, с женами которых Оскар, видимо, имел связь.

Внезапно госпожа Шабю спросила:

- Вы навестили его отца?

- Да.

- Как он принял известие?

- Сдержанно. Мне кажется, их отношения с сыном были довольно прохладными.

- Они ухудшились с тех пор, как Оскар стал много зарабатывать. Он хотел, чтобы отец покончил со своим кабачком, и предлагал купить на его имя отличный дом в Сансере, где старик родился. Дезире решил, что от него хотят избавиться. Они перестали понимать друг друга.

- А что делает сейчас ваш отец?

- По-прежнему держит книжную лавку. А мать не спускается с антресоли: у нее большое сердце, ходит она с трудом. Постучав в дверь, вошла горничная.

- Человек из похоронного бюро спрашивает мадам.

- Сейчас я выйду. - И, повернувшись к Мегрэ, госпожа Шабю добавила:

- Надеюсь, вы меня извините. В ближайшие дни я буду очень занята... Но все же, если вам станет известно что-либо новое или понадобятся какие-нибудь сведения, не стесняйтесь звонить мне.

Она улыбнулась привычной светской улыбкой и легкой походкой направилась к выходу.

Уже в передней им встретился агент похоронного бюро. Он узнал Мегрэ и почтительно ему поклонился.

Туман, рассеявшийся было в середине дня, опять сгустился. Мегрэ сел в машину и снова высморкался, что-то бормоча себе под нос.

Глава III

Всякий раз, когда по долгу службы ему приходилось сталкиваться с крупными буржуа, Мегрэ испытывал чувство неловкости и скованности. А все, кого Жанна Шабю внесла в список, принадлежали именно к этому узкому кругу людей, связанных едиными правилами поведения, обычаями, запретами, условным языком. Они постоянно встречались в театрах, ресторанах, ночных кабачках. По воскресеньям - на своих загородных виллах, летом - где-нибудь в Каннах или в Сен-Тропезе.

Виноторговец, человек плебейского вида, пробился в это избранное общество чуть ли не кулаками и, чтоб доказать себе, что является его равноправным членом, испытывал потребность вступать в связь с возможно большим числом светских женщин.

- Куда едем, патрон?

- На улицу Фортюни.

Сгорбившись, Мегрэ рассеянно глядел на проносившиеся мимо улицы и бульвары. Уже зажглись фонари, засветились окна домов. Через дорогу на сплетенных еловых ветках висели гирлянды лампочек, перевитых золотой или серебряной фольгой, в витринах магазинов красовались рождественские елки.

Холод и туман не помешали праздничной толпе заперудить улицы. Люди переходили от магазина к магазину, теснились у прилавков. Несколько минут Мегрэ прикидывал, что бы ему купить в подарок жене, но так ни на чем и не остановился. Непрерывно чихал, и, сморкаясь, он мечтал об одном - поскорее улечься в теплую постель.

- Установи, малыш, по списку госпожи Шабю, где эти господа находились в среду вечером.

- Допросить каждого?

- Только в крайнем случае - если не удастся выяснить иначе. Поговори, между прочим, с шоферами и прислугой.

Бедняга Лапуэнт был далеко не в восторге от задания.

- Вы полагаете, убийца кто-нибудь из этих господ?

- Им может оказаться любой. Оскар Шабю многих, особенно мужчин, заставил его ненавидеть... Подожди в машине, я зайду всего на несколько минут.

Он позвонил. Шагов не было слышно, но дверной глазок сразу же приоткрылся. Госпожа Бланш нехотя впустила комиссара.

- Что еще вам нужно? С минуты на минуту может приехать клиент. Вы понимаете, до чего, неуместен сейчас визит полиции?

- Просмотрите вот этот список.

Лишь две лампы освещали большую гостиную. Бланш поискала на рояле очки, поднесла к глазам и торопливо пробежала список.

- Чего вы от меня ждете?

- Чтобы вы сказали, имеются ли среди перечисленных лиц ваши клиенты?

- Но я уже говорила вам, что клиенты известны мне только по именам.

Фамилии они никогда не называют.

- А я слишком хорошо знаю вас, Бланш, и потому не сомневаюсь, что вам о них все доподлинно известно.

- Нам доверяют, как врачам и адвокатам. Почему же вы лишаете нас права сохранять профессиональную тайну?

Невозмутимо дослушав, Мегрэ все тем же ровным голосом сказал:

- Отвечайте!

Бланш поняла, что последнее слово останется не за ней.

- Ну, есть тут два-три человека...

- Кто именно?

- Жерар Обэ, банкир. Он из старой протестантской семьи. Принадлежит к финансовой верхушке и, разумеется, соблюдает крайнюю осторожность, чтоб никто его ни в чем не заподозрил.

- Частый гость?

- Раза три в месяц.

- Даму привозит с собой?

- Нет, она приезжает раньше.

- Всегда одна и та же?

- Да.

- Ему не случалось сталкиваться с Оскаром Шабю?

- Я слежу за тем, чтобы этого не произошло.

- Но Обэн мог заметить Оскара Шабю или его машину на улице! А жена этого банкира тоже здесь бывала?

- Да, с господином Шабю.

- Кого еще вы можете назвать?

- Мари-Франс Лежандр, жену фабриканта.

- Сколько раз приезжала?

- Раз пять.

- Тоже с Шабю?

- Да. Ее мужа я не знаю. Может быть, он навещает нас под другим именем. Некоторые так делают. Например, господин Торель, министр. Звонит заранее и просит подыскать молоденькую манекенщицу или натурщицу. Для нас он просто господин Луи, но так как фотографии министров то и дело мелькают в газетах, не узнать Тореля невозможно.

- Кто еще бывал по средам, кроме Шабю?

- У остальных нет определенного дня.

- Жена Тореля тоже любовница Оскара Шабю?

- Рита? Она появлялась то с ним, то с другими. Эта пикантная брюнетка дня прожить не может без мужчины. Но дело тут не в темпераменте: просто ей нужно, чтобы за ней всегда ухаживали.

- Благодарю вас, Бланш.

- Надеюсь, теперь у вас ко мне все?

- Не ручаюсь.

- Если надумаете прийти опять, предупредите, пожалуйста, по телефону, чтобы я имела время предотвратить нежелательную встречу клиентов с вами.

Спасибо, что не выдали меня репортерам.

Из разговора с госпожой Бланш Мегрэ не извлек почти ничего важного. В сущности, следствие не сдвинулось с места. Отсутствовало главное - отправная точка. Искать по-прежнему приходилось по всем направлениям..

- Теперь куда?

- Ко мне домой.

Лоб у него был горячий. Свет резал глаза. Под левой лопаткой покалывало.

- До свидания, старина. Список у тебя? Поезжай теперь на набережную Орфевр и закажи фотокопию. Список нужно будет вернуть.

Госпожа Мегрэ удивилась необычно раннему возвращению мужа.

- Ты что, заболел?

На лице Мегрэ выступили капельки пота.

- Боюсь, что у меня грипп. Опять некстати!

- Запутанная история?

Как обычно, она и на этот раз только из газет и радио узнала, что следствие ведет ее муж.

- Погоди. Мне надо поговорить по телефону.

Он набрал номер дома свиданий на улице Фортюни. Госпожа Бланш сперва отозвалась сладчайшим голосом.

- Это опять Мегрэ. Я забыл задать еще один вопрос. Звонил вам Шабю перед приездом в ту злополучную среду?

- Зачем? Он ведь ни одной среды не пропускал.

- Кто об этом знал?

- У меня в доме - никто.

- Кроме горничной?

- Она испанка, по-французски понимает с трудом, а фамилии и вовсе не запоминает.

- И все же кто-то точно знал день и час ухода Шабю от вас. Ведь именно в среду около девяти вечера его поджидали возле дома, несмотря на сильный холод.

- Извините, господин комиссар, но я вынуждена прервать разговор: в дверь звонят.

Мегрэ разделся, влез в пижаму и тяжело опустился в кожаное кресло.

- У тебя рубашка хоть выжимай. Измерь-ка температуру.

Госпожа Мегрэ принесла из ванной термометр, и комиссар пять минут покорно держал его во рту.

- Сколько?

- Тридцать восемь и четыре.

- Почему бы тебе сразу не лечь? Позволь, я позвоню Пардону.

- Ну, знаешь, если каждый пациент будет беспокоить его по пустякам!..

Мегрэ не любил обращаться к врачам и особенно не любил беспокоить Пардона, он представлял себе, как редко удастся его старому другу спокойно пообедать.

- Я постелю тебе.

- Пстой-ка. Ты же обещала оставить мне тушеной капусты?

- Но не теперь же есть!

- А почему бы нет!

- Потому что на ночь это тяжело, а ты к тому же нездоров.

- Все-таки разогрей. И не забудь подбавить шпикю. Он непрерывно возвращался к своему предположению. Кто-то определенно знал, что Шабю будет на улице Фортюни в среду вечером. Вряд ли за виноторговцем весь день следили. В парижской суতোлке это невозможно. Да и как пешеходу угнаться за тем, кто, подобно Шабю, разъезжает на машине?

Итак, Шабю и Кузнечик появились у Бланш в семь вечера. Маловероятно, чтобы убийца почти два часа поджидал их выхода на холодном ветру и остался никем не замеченным.

Он не приехал в машине. Иначе, выстрелив, не побежал бы к метро "Мальзерб".

Мысли беспорядочно носились в голове Мегрэ. Ему никак не удавалось сосредоточиться.

- Что будешь пить?

- Пиво, конечно. С кислой капустой идет только пиво.

Он переоценил свой аппетит. Есть ему не хотелось вовсе, и он тут же отодвинул тарелку. Ложиться в половине седьмого вечера тоже не было в привычках Мегрэ, но он сделал это. Жена принесла ему две таблетки аспирина.

- Что бы тебе такое еще принять? Помнится, в последний раз, три года назад, Пардон прописал тебе лекарство, которое очень помогло.

- Начисто забыл - какое.

- Ты серьезно не хочешь, чтобы я ему позвонила?

- Да, не хочу. Закрой шторы и погаси свет.

Через десять минут Мегрэ основательно вспотел, и мысли у него начали расплываться. Чуть позже он уснул.

Ночь тянулась долго. Несколько раз он просыпался, раскрыв рот и тяжело дыша. Потом снова впадал в дремоту, не слышал - или это только казалось? - голос жены. Вдруг он увидел ее у кровати. Она держала чистую пижаму.

- Ты весь мокрый. Надо сменить белье. Перейди на минутку в кресло - я перестелю.

Мегрэ послушно сел в кресло. В глазах рябило. Он снова лег, и теперь ему привиделось, что он в церкви, напоминающей гостиную госпожи Бланш, но гораздо больших размеров. По проходу одна за другой к аналою шли пары. Кто-то играл на рояле, звуки которого напоминали орган. Мегрэ сознавал, что явился сюда выполнить важное задание, но никак не мог вспомнить-какое. Оскар Шабю насмешливо на него поглядывал, и по мере того как пары проходили мимо, виноторговец здоровался с женщинами, называя их по именам.

Очнувшись, Мегрэ с облегчением увидел, что уже утро. Комната наполнилась сероватым светом, из кухни доносился запах горячего кофе.

- Проснулся?

Мегрэ уже не потел. Он ощущал усталость, но недомогание прошло.

- А где мой кофе?

Комиссару показалось, что он уже давно не пил такого вкусного кофе.

Он неторопливо опорожнил чашку.

- Передай мне, пожалуйста, трубку и табак. Какая сегодня погода?

- Чутьочку туманно, но не так, как вчера. Скоро обязательно выглянет солнце.

В детстве ему случалось, хотя и не часто, чувствовать себя больным как раз тогда, когда он нетвердо знал урок. Не то же ли самое происходило и сейчас? Нет, вчера вечером у него и впрямь была температура.

Прежде чем подать мужу трубку, госпожа Мегрэ протянула ему термометр.

Он послушно сунул его под язык.

- Температура нормальная: тридцать шесть и пять.

- Хорошо, что ты пропотел.

Покурив, Мегрэ выпил вторую чашку кофе.

- Может быть, ты хоть денек посидишь дома?

Комиссар ответил не сразу. Он колебался. До чего же приятно лежать в теплой кровати, когда у тебя уже не болит голова.

Лапуэнт по его поручению устанавливает алиби тех, кто попал в список госпожи Шабю, но следствие все еще топчется на месте, и виноват в этом он, Мегрэ. Есть от чего расстроиться. Ведь разгадка где-то совсем рядом.

Стоит лишь как следует подумать, и все разъяснится.

- Что нового в газетах?

- Пишут, что ты напал на верный след.

- Это как раз противоположно тому, что я сказал газетчикам.

К десяти утра Мегрэ выпил три больших чашки кофе. Комнату наполнял синий табачный дым.

- Что ты надумал?

- Буду вставать.

- Решил идти на службу?

- Да.

Она не возражала, зная, что это бесполезно.

- Позвонить, чтобы кто-нибудь приехал за тобой?

- Отличная мысль! Но Лапуэнта нет на месте. Спроси, не свободен ли Жанвье? Нет, совсем забыл: он на задании. Вот Люка, должно быть, свободен.

Оказавшись на ногах, он почувствовал себя хуже, чем в постели. Голова слегка кружилась. Рука с бритвой дрожала, и Мегрэ чуточку порезался.

- Надеюсь, к завтраку приедешь? Что толку, если ты всерьез свалишься?

Госпожа Мегрэ была права, но комиссар уже не мог сладить с собой.

Жена обернула ему шею толстым шарфом и проводила до лестницы. У подъезда уже ждала машина.

- Доброе утро, Люка. Начальство спрашивало обо мне?

- Я доложил, что вчера вы скверно себя чувствовали.

- Что нового?

- Лапуэнт весь вечер гонял по городу со списком, с утра убежал опять.

Куда вас везти?

- На набережную Шарантон.

По знакомой лестнице Мегрэ поднялся на второй этаж. Люка, который был здесь впервые, шел следом. Постучав, комиссар толкнул дверь кабинета Шабю. Анна-Мари сидела в своем углу, что-то отстукивая на машинке.

- Это снова я. А со мной Люка, самый давний из моих сотрудников.

- У вас утомленный вид.

- Возможно... У меня к вам еще несколько важных вопросов. - Мегрэ занял место Шабю перед конторкой. - Скажите, кто мог знать, что по средам Оскар Шабю ездит с вами на улицу Фортюни?

- Здесь или вообще?

- Здесь.

- Здесь - каждый. Оскар не отличался скромностью. Стоило ему завести новую любовницу, как об этом сразу же узнавали все.

- Вы уходили одновременно?

- Да, и садились в его машину, довольно заметную.

- Так повторялось каждую среду?

- За редкими исключениями.

- Лусек был в курсе?

- Не могу сказать. Сюда он почти не приезжал. Зато патрон ежедневно проводил час-другой на авеню Опера.

- Вы могли бы уточнить распорядок его дня?

- Строгого расписания не было. Но обычно он выезжал из дому в девять часов и сам вел свой - "Ягуар". Шофера и ""Мерседес" он оставлял в распоряжении жены. Сначала патрон отправлялся в цех, где вина дегустируют и разливают по бутылкам. Это на набережной Берси.

- А кто там этим ведаает?

- Господин Лепетр. Ему приходилось и тут и там. Но на складах у него есть помощник. Кажется, он из Сета.

- Сюда тоже заходит?

- Не часто.

- О ваших отношениях с Шабю знает?

- Вероятно.

- Никогда за вами не ухаживал?

- Думаю, что он просто меня не замечал.

- Продолжайте.

- К десяти утра патрон приезжал сюда. Просматривал почту. Я напоминала ему о назначенных деловых встречах. Потом он принимал поставщиков.

- Как он вел себя наедине с вами?

- По-разному. То совсем не замечал, будто меня здесь и не было. А то вдруг скажет: "Иди сюда", нисколько не заботясь, что дверь не заперта.

- И вас никогда не заставляли врасплах с ним?

- Заставали. Раза два - машинистки, раз - Лепетр. Девушек это не смущало: он и с ними проделывал то же самое.

- В котором часу он уезжал?

- В полдень, если завтракал дома, и в половине первого, если в ресторане. А это случалось довольно часто.

- А где завтракаете вы?

- В небольшом ресторанчике недалеко отсюда, на набережной. Там неплохая кухня.

- Вернемся к Шабю. Что он делал потом?

Простодушный Люка с удивлением слушал разговор. Разглядывал Анну-Мари с головы до пят, тщетно сясь понять ее роль во всем этом деле.

- Потом патрон часов до четырех работал на авеню Опера. У него с Лусеком общий кабинет.

- И там тоже у Шабю были приключения подобного рода?

- Вряд ли. Там совершенно другая атмосфера. И, возможно, его смущал Лусек. Это единственный, кого он даже боялся. Нет, боялся - пожалуй, слишком сильно сказано. Но, во всяком случае, держал себя с ним не так, как с другими, и никогда не позволял себе на него орать.

- Когда он снова возвращался?

- Примерно в половине пятого. Некоторое время уделял мсье Лепетру, иногда наблюдал за разгрузкой барж. Потом вызывал машинистку и диктовал письма.

- А почему он не диктовал вам?

- Я печатала главным образом личные письма.

- Когда он уезжал совсем?

- Часов в шесть, если не задерживался со мной или с кем-нибудь из девушек.

- Случалось вам проводить вместе с ним весь вечер?

- Только по средам, да и то до десяти часов.

- Вы всегда уходили от Бланш после него?

- Нет, бывало, что мы выходили одновременно. Шабю привозил меня на улицу Коленкур и высаживал метров за сто от дома. Но в ту среду он куда-то торопился, и я сказала, чтобы он меня не ждал.

- Нам очень важно установить, кто еще знал о ваших свиданиях на улице Фортюни. Постарайтесь, пожалуйста, припомнить.

Комиссар прочистил себе нос и нахлобучил на голову шляпу. Госпожа Мегрэ была права: солнце выглянуло, и Сена сверкала.

- Поехали, Люка. Благодарю, мадемуазель.

Они заворачивали к воротам здания Уголовной полиции, когда взгляд Мегрэ неожиданно встретился со взглядом человека, стоявшего у парапета набережной. Это длилось одно мгновение. Комиссар продолжал думать о своем, а незнакомец, приволакивая ногу, сразу же двинулся в сторону площади Дофина. Но уже через минуту Мегрэ спросил у Люка:

- Заметил?

- Кого?

- Человека в старом дождевике. Он разглядывал наши окна, а когда мы поравнялись, пристально посмотрел мне в лицо. Уверен, что он меня узнал.

- Какой-нибудь бродяга?

- Не похоже. Выбрит и довольно опрятен. Должно быть, не жарко ему в осеннем плаще.

В кабинете, продолжая думать об этой встрече, комиссар невольно подошел к окну. Незнакомца на улице не было.

Мегрэ пытался уяснить себе, чем именно тот так поразил его. Может быть, напряженностью взгляда, выражавшего глубокое волнение? Не был ли этот взгляд призывом, обращенным к нему, Мегрэ?

Пожав плечами, словно желая отогнать от себя навязчивую мысль, комиссар сел за стол и набил трубку. И вдруг почувствовал, как опять без видимой причины лоб его покрылся испариной. Пришлось снова вытаскивать платок.

Он обещал жене вернуться к обеду, но забыл спросить, чем она собирается его кормить. А он любил знать заранее меню, чтобы порадоваться предвкушению вкусной еды.

Зазвонил телефон.

- Господин комиссар, вас спрашивает человек, не пожелавший сообщить ни свое имя, ни по какому вопросу он обращается. Соединить вас?

- Да. Алло?

- Комиссар Мегрэ? - послышался несколько приглушенный голос.

- Да.

- Я намерен сказать вам только одно: виноторговец не стоил того, чтобы из-за него переживать. Это была подлая гадина.

- Вы его хорошо знали?

Но на другом конце провода нажали на рычаг. Мегрэ тоже опустил трубку, задумчиво уставясь на аппарат. Может быть, это она, та исходная точка, которую он так мучительно искал после убийства Оскара Шабю?

Казалось бы, звонок не внес ничего нового. Но не исключено, что этот человек если уж не сам убийца, то имеет прямое отношение к преступлению.

Не принадлежит ли он к тем людям, которых невыносимо тяготит необходимость скрываться? Приходит время, и они начинают писать и звонить. И они далеко не всегда сумасшедшие.

Комиссару не раз приходилось сталкиваться с подобными типами, и он убедился, что, совершив преступление, они не находят покоя, пока добровольно не отдадутся в руки правосудия.

Болела голова, но Мегрэ все же вскрыл почту, подписал рапорты и просмотрел служебные бумаги. Это отнимало почти столько же времени, сколько сама оперативная работа.

В полдень Мегрэ вышел. На бульваре дю Пале он, поколебавшись, завернул в бар. Во рту у него пересохло.

У стойки Мегрэ долго выбирал, чем промочить горло. Вспомнил, что накануне ему понравился ром, и кивком указал буфетчику на бутылку.

Стопки показалось маловато, комиссар велел повторить.

Домой он приехал на такси и, тяжело ступая, поднялся по лестнице.

Госпожа Мегрэ открыла дверь и сразу с беспокойством осведомилась:

- Тебе не лучше?

- Как будто получше. Но раза два сильно прошибал пот.

Сняв пальто, шарф и шляпу, он прошел в комнаты.

- Так что же у нас на завтрак?

- Телячья печенка по-домашнему.

Его любимое блюдо. Сидя в кресле и рассеянно перелистывая газеты, Мегрэ думал о телефонном разговоре с незнакомцем.

Не звонил ли ему тот самый человек, что стоял у входа в здание уголовной полиции? Не исключено, что он позвонит снова. Может, даже сюда, домой: адрес и телефон комиссара упоминаются в газетах. Их знают почти все шоферы такси.

- О чем ты задумался? - спросила госпожа Мегрэ, накрывая на стол.

- Об одном субъекте, которого заметил, когда подъезжал к полиции.

Наши взгляды скрестились. Кажется, ему хотелось что-то мне сообщить.

- Ты прочел это в его глазах?

- Вот именно. Не он ли позвонил мне чуть позже и сказал, что Шабю - подлая гадина и о нем не стоит жалеть? Он именно так и выразился. Трубку повесили раньше, чем я успел раскрыть рот.

- Надеешься, что он позвонит еще?

- Надеюсь. Обычно они так и поступают. Их возбуждает игра с огнем.

Впрочем, это мог быть и какой-нибудь чудака, знающий о деле ровно столько, сколько прочел о нем в газетах. Чем черт не шутит!

- Включить телевизор?

Ели молча, изредка обмениваясь репликами. Мегрэ все время мысленно возвращался тому, чем был сейчас целиком поглощен.

- Если ты сыт, я оставлю печенку на завтра вместо закуски.

Пожалуй, он не прочь и завтра поест печенки. Он выпил всего два стакана бордо, но изрядно осоловел и, закрыв глаза, вскоре задремал.

Казалось, он куда-то плывет, и это было так приятно, что просыпаться не хотелось.

Ему приснился человек, приволакивающий ногу. Левую или правую? Во сне это обстоятельство приобрело особое значение, но комиссар не мог объяснить себе, почему.

Госпожа Мегрэ бесшумно убирала со стола. Комиссар ощущал легкое движение воздуха, когда она проходила мимо. Потом все замерло, и он стал тихонько похрапывать.

Внезапно проснувшись, Мегрэ удивился, что все еще сидит в кресле, хотя часы показывают пять минут четвертого. Он поискал глазами жену и по равномерному постукиванию, доносящемуся с кухни, понял, что жена гладит.

Через минуту она вошла.

- Поспал хорошо?

- Отлично! Готов спать так весь день.

- Температуру не будешь мерить?

- Если ты настаиваешь.

- Тебе непременно надо быть на службе?

- Да. Лучше поехать.

- Ну тогда прими аспирин. А я вызову такси.

Он послушно проглотил таблетку и, чтобы отбить неприятный вкус во рту, запил рюмкой сливовой настойки, - ее прислала сестра госпожи Мегрэ из Эльзаса.

Небо было ясное, бледно-голубое, солнце сверкало, но воздух оставался холодным.

- Включить отопление, шеф? У вас простуженный вид. У меня дома тоже все болеют - и жена и малыши, один за другим. Со дня на день - моя очередь.

- Только без отопления. Я и без того все время потею.

- Вы тоже? За сегодняшнее утро я уже несколько раз сидел весь мокрый.

Мегрэ показалось, что лестница, по которой он поднимался столько лет подряд, стала круче, и обрадовался, когда добрался, наконец, до своего стола.

- Ничего нового, Люка?

- Ничего, патрон.

- Никто не звонил?

- Нет. Вернулся Лапуэнт, он ждет вас.

- Зови.

Мегрэ выбрал самую легкую из лежавших на столе трубок и неторопливо раскурил ее.

- Ну как, малыш, собрал материал?

- Почти на всех, патрон. Мне повезло.

- Садись и давай сюда список.

- Вот список, но заметки мои вам не разобрать. Лучше я прочту сам, а потом представлю письменный рапорт. Начну с Ксавье Тореля, министра. Тут не пришлось никого расспрашивать. Я

просмотрел утренние газеты за четверг и узнал, что в среду, на премьере нового фильма, посвященного Сопротивлению, правительство представлял Ксавье Торель.

- С женой?

- С женой и восемнадцатилетним сыном.

- Дальше.

- Я прикинул, что на этом киносеансе могли присутствовать еще кое-кто из важных персон, хотя в газетах они не упомянуты. Так оно и оказалось.

Там был доктор Риу. Он тоже проживает на площади Вогезов, через два дома от Шабю.

- Кто тебе сказал, что он был в кино?

- Привратница, разумеется... Это, конечно, не новый, но пока еще самый верный способ узнать, что тебе требуется. Между прочим, как раз этот доктор Риу - домашний врач госпожи Шабю.

- Она часто болеет?

- Во всяком случае, частенько его вызывает. Я видел и доктора и его жену. Этаким упитанный господин. Темные волосы старательно зачесаны на лысину. Жена - рослая рыжая кляча. Вряд ли она могла прельстить Оскара Шабю.

- Так, двоих в сторону. Следующий.

- Анри Лежандр, промышленник, был в тот день в Руане. У него там уютная квартира, где он бывает два раза в неделю. Это сказал его шофер, принявший меня за коммивояжера.

- А его жена?

- Уже неделю болеет гриппом... О биржевом маклере Пьере Марло я разузнал куда очень мало, он обедал не дома. Это с ним часто случается. Говорят, любит вкусно поесть. Обойти большие рестораны я еще не успел.

- А где был Кокассон, издатель книг по искусству?

- Тоже в кинотеатре.

- Адвокат Пупар?

- На званом обеде у посла Соединенных Штатов, на авеню Габриель.

- С супругой?

- Да. Теперь о госпоже Жапи, Эстелле Жапи. Она вдова или разводка.

Живет на бульваре Осман. Долго была любовницей Шабю, но вот уже несколько месяцев, как они не встречались. Я приволокнулся за горничной, и она мне 'по секрету сказала, что Шабю некрасиво обошелся с этой Жапи.

В среду мадам обедала дома, а потом смотрела телевизор.

Их перебил телефонный звонок. Мегрэ снял трубку.

- Просят лично вас, господин комиссар. Кажется, тот же голос, что утром.

- Соедините.

Некоторое время Мегрэ слышал только учащенное дыхание. Наконец, раздался взволнованный голос:

- Вы у телефона?

- Да.

- Я хочу еще раз повторить, что Шабю был гадина. Намотайте себе это хорошенько на ус.

- Минутку...

Но на другом конце провода трубку опять повесили.

- Может быть, это убийца, может, просто злой шутник. Он так быстро обрывает разговор, что я не успеваю разобраться... Как бы его разыскать?

Вот если бы он сболтнул что-нибудь лишнее или допустил оплошность.

- Что он вам сказал?

- То же, что утром: Шабю был гадина.

Не один он так считает. Многие, в том числе и завсегдаи салона госпожи Шабю, придерживаются того же мнения. Этот Шабю делал все, что от него зависело, чтобы вызвать антипатию, даже ненависть у своих конкурентов, служащих и любовниц.

Напрашивается вывод, что он их сознательно провоцировал. Но до прошлой среды его, кажется, никто не решался осадить. Неужели он никогда не получал пощечины, которой счел за благо не хвастаться? Неужели ни один ревнивец не заехал ему кулаком в лицо?

Нет, он держался нагло, был уверен в своих силах и позволял себе дразнить судьбу.

Однако же нашелся человек, по словам госпожи Бланш, это был мужчина, которому стало невтерпез и который подстерег Шабю у выхода из дома свиданий на улице Фортюни. У этого человека были, видимо, особенно веские основания ненавидеть виноторговца: убивая, он ставил на карту свою свободу, если не саму жизнь.

Где искать убийцу? Среди знакомых убитого? Сведения, добытые Лапуэнт, были не слишком обнадеживающими. За супружескую неверность убивают теперь все реже, особенно в определенной социальной среде. А не принадлежит ли преступник к персоналу конторы на набережной Шарантон?

Или филиала на авеню Опера? Наконец, тот ли это, кто дважды звонил комиссару? И не потому ли он звонит, что хочет признанием облегчить душу?

- У тебя все?

- Еще Филипп Бордерель, театральный критик. Он был на генеральной репетиции в театре Мишодьер вместе со своей любовницей. Ну и последний - архитектор Труар. В среду он ужинал с известным застрейщиком у Липпа.

Сколько было еще людей, не попавших в этот список, но имевших свои счета с виноторговцем? Не пришлось бы вызывать для разговора с глазу на глаз десятки мужчин и женщин...

- Когда похороны? - спросил Лапуэнт.

- Не знаю. Когда я уходил от вдовы Шабю, она ждала агента из похоронного бюро. Тело собирались доставить вчера вечером. Не съездить ли нам туда?

Через несколько минут они катили по направлению к площади Вогезов.

Входная дверь на втором этаже была открыта настежь, и уже на пороге они почувствовали смешанный запах восковых свечей и хризантем.

Оскар Шабю уже покоился в гробу, но он был еще открыт. Рядом с ним преклонила колени пожилая женщина. В трауре, чуть поодаль, в ногах покойного, лицо которого освещалось танцующим миганием свечей, стояла молодая пара.

Кто эта пожилая дама? Не мать ли мадам Шабю? А вот этой молодой паре здесь явно не по нутру. И верно: наскоро перекрестившись, мужчина вышел, увлекая за собой сроду спутницу.

Опустив по обычаю стебелек самшита в сосуд со святой водой, Мегрэ осенил покойника крестным знаменем. Лапуэнт повторил его жест с важным, слегка комичным видом.

Даже в смерти грубое лицо Оскара Шабю производило внушительное впечатление - столько в нем было силы и, несмотря на грубость, известной привлекательности.

В коридоре они столкнулись с госпожой Шабю.

- Вы ко мне?
- Нет, пришли отдать последний долг покойному.
- Он словно живой, не правда ли? После вскрытия пришлось изрядно потрудиться над трупом. Оскар выглядит точно таким, каким был. Только глаза, к несчастью, закрыты.

Машинально она прошла вместе с ними до двери, и тут, у самого порога, Мегрэ сказал:

- Извините, сударыня, но я хотел бы задать вам еще один вопрос...

Она с любопытством взглянула на него:

- Пожалуйста.

- Действительно ли вы хотите, чтобы убийца Оскара Шабю был найден?

Такого вопроса она не ожидала и на мгновение растерялась.

- Почему, собственно, я должна хотеть, чтобы он оставался на свободе?

- Потому что если его поймают, начнется громкий процесс, о котором затрубят газеты, радио, телевидение. Будут опрошены многие служащие фирмы. Через суд пройдет длинная вереница свидетелей. Среди них, без сомнения, найдутся такие, в том числе и приятельницы вашего мужа, которые не станут скрывать правду...

- Не понимаю, что вы имеете в виду, - задумчиво произнесла Жанна Шабю.

Она помедлила, как бы взвешивая все "за" и "против", и добавила:

- Вы правы. Разразится большой скандал.

- Но вы не ответили на мой вопрос.

- Сказать по правде, мне это безразлично. Отомстить я не стремлюсь.

Тот, кто убил, имел, видимо, на это веские основания, а может быть, и моральное право. Какая польза обществу, если его посадят за решетку на много лет, а то и на всю жизнь?

- Вправе ли я допустить, что, даже имея подозрения на кого-либо, вы предпочли бы не высказывать их?

- До сих пор я не думала об этом, потому что никого не подозревала.

Но если бы у меня возникли подозрения - мой долг их высказать, не правда ли? Так бы и я поступила, но, честно говоря, против воли.

- Кто же теперь возглавит фирму? Лусек?

- Этот человек меня пугает. Он чем-то напоминает холоднокровную рептилию, и я испытываю отвращение, когда он смотрит на меня в упор.

- Однако Оскар Шабю оказывал ему полное доверие?

- Лусек заработал мужу кучу денег. Это продувная бестия, отлично знающая кодекс и умеющая с выгодой пользоваться этим. Вначале он занимался только документацией, но мало-помалу стал правой рукой Оскара.

- Кому принадлежит идея "Вина монахов"?

- Оскару. В то время все делалось на набережной Шарантон. Лусек предложил открыть филиал на авеню Опера и во много раз увеличить число точек в провинции.

- Ваш муж считал его честным человеком?

- Он в нем нуждался. А свои интересы Оскар вполне мог защищать сам.

- И все же я не узнал, сохранит ли Лусек свой пост.

- Он останется на службе по крайней мере на некоторое время, но в той же должности, какую занимает теперь.

- Кто же станет во главе фирмы?

- Я. - Она сказала это просто, как нечто само собой разумеющееся. - Я всегда считала себя деловой женщиной, и муж недаром прибегал к моим советам.

- Ваш кабинет будет на авеню Опера?

- Да. Но я не буду делить его с Лусеком. Помещений там достаточно.

- И вы сами станете ходить на склады, в погреба, на разгрузку?

- А почему бы и нет?

- Произойдут ли перемены в составе служащих?

- Ради чего? Не потому ли, что девчонки спали с моим мужем? Но тогда я должна отказать всем своим приятельницам, за исключением очень пожилых.

Впорхнула маленькая подвижная молодая дама. Она бросилась на шею хозяйке дома, приговаривая:

- Бедная моя!

- Извините меня, господин комиссар.

- Разумеется, разумеется... Благодарю вас, мадам. Спускаясь по лестнице и утирая лицо платком, Мегрэ вполголоса повторял:

- Любопытная особа!

Двумя ступеньками ниже он задержался и добавил:

- Или я здорово ошибаюсь, или эта история еще далека от конца.

Во всяком случае, откровенность Жанны Шабю заслуживала уважения.

Глава IV

Было около пяти часов, когда к Мегрэ тихонько постучали. Не дожидаясь ответа, Жозеф, самый старый из вахтеров, открыл дверь и подал комиссару карточку:

"Имя и фамилия: Жан-Люк Кокассон. Причина посещения: дело Шабю".

- А где же он сам? - спросил Мегрэ.

- Я провел его в аквариум.

Так назывался застекленный с трех сторон зал ожидания, где всегда сидели посетители.

- Помаринуйте его там еще несколько минут, а потом приведите.

Мегрэ медленно высморкался, немного постоял у окна, затем подошел к стенному шкафу, где всегда была в запасе бутылка коньяка, и налил себе рюмку.

Он по-прежнему чувствовал недомогание и какую-то гнетущую вялость, ноги были словно ватные.

Комиссар раскуривал трубку, когда дверь снова открылась и Жозеф доложил:

- Господин Кокассон.

Казалось, на посетителя не произвела никакого впечатления обстановка, царившая в Уголовной полиции. Он подошел к столу, протянув руку:

- Имею честь видеть комиссара Мегрэ? Мегрэ ограничился тем, что проворчал:

- Прошу садиться! - И, обогнув свой письменный стол, тоже опустился в кресло. - Если не ошибаюсь, вы занимаетесь изданием книг по искусству?

- Совершенно верно. Вам известна моя книжная лавка на улице Сент-Андре де Ар?

Мегрэ уклонился от ответа и задумчиво оглядел собеседника. Это был красивый мужчина, высокий, стройный, с густыми, гладко причесанными волосами. Серые костюм и пальто гармонировали с сединой, а на губах играла самодовольная улыбка, по-видимому, привычная.

В нем было какое-то сходство с породистым псом, например, со среднеазиатской овчаркой.

- Прошу простить, что беспокою, тем более, что мое сообщение не покажется вам особенно интересным. Я был другом Оскара Шабю...

- Знаю. Мне также известно, что в среду вы присутствовали на премьере фильма о Сопротивлении. Однако сеанс начался только в половине десятого, и у вас было достаточно времени, чтобы проделать путь от улицы Фортюни до Елисейских полей.

- Вы меня подозреваете?

- До выяснения дела все лица, имевшие отношение к Оскару Шабю, для нас более или менее подозрительны. Госпожу Бланш знаете?

Кокассон на мгновение задумался, но тут же решился:

- Да. Мне приходилось у нее бывать.

- С кем?

- С Жанной Шабю. Она знала, что ее муж завсегда у этого дома свиданий, и ей самой хотелось посмотреть заведение.

- Значит, вы любовник госпожи Шабю?

- Да, был, и, надо полагать, не единственный.

- Когда прекратилась ваша связь?

- Вот уже примерно полгода, как мы не встречаемся.

- Вы бывали у нее на площади Вогезов?

- Да, когда муж уезжал по делам, а это случалось почти каждую неделю.

- Из-за этого вы решили со мной повидаться?

- Нет. Я только ответил на ваш вопрос. Я пришел затем, чтобы узнать, нашли ли вы письма.

Мегрэ, нахмурившись, взглянул на посетителя.

- Какие письма?

- Письма, адресованные лично Оскару Шабю. Не его деловую корреспонденцию. Полагаю, что он хранил их в надежном месте на площади Вогезов, может быть, на набережной Шарантон.

- Вам хотелось бы их заполучить?

- Видите ли, Мег... Это моя жена... Так вот, у нее мания писать длинные письма, где она выкладывает все, что взбредет в голову...

- Итак, вы хотите получить ее письма?

- У жены была довольно долгая связь с Оскаром. Я застал их, и, кажется, он был этим раздосадован.

- Он был в нее влюблен?

- Помилуй бог! Оскар никогда и ни в кого не был влюблен! Просто очередной номер в его донжуанском списке.

- Вы ревнивы?

- В конце концов я смирился со своей участью.

- У вашей жены были и другие похождения?

- Не смею отрицать.

- Если я правильно понял, ваша жена была любовницей Шабю, а вы - любовником госпожи Шабю. Так, что ли? - В голосе Мегрэ звучала ирония, которой издатель, однако, не замечал. - И вы тоже писали на площадь Вогезов?

- Несколько раз.

- Госпоже Шабю?

- Нет, Оскару.

- Чтобы выразить неудовольствие по поводу его отношений с Мег?

- Нет. - Кокассон подошел к самому щекотливому вопросу и постарался принять развязный вид. - Вы, должно быть, не представляете, каково положение издателя книг по искусству. Клиентура очень ограничена, себестоимость невероятно высока. Каждое издание отнимает несколько лет и требует солидных капиталовложений. Вы понимаете, что без меценатов не обойтись!

- А Шабю был меценатом? - невинным голосом осведомился Мегрэ.

- Оскар был очень богат. Он прямо-таки греб деньги лопатой. Я и подумал, что он мог бы мне помочь...

- И написали об этом?

- Да.

- В то время, когда он был любовником вашей жены?

- Одно другого не касается.

- Это произошло после того, как вы их застали?

- Точно не помню, но полагаю, что да. Откинувшись в кресле, Мегрэ уминал большим пальцем табак в своей трубке.

- А вы в то время уже были любовником Жанны Шабю?

- Я так и думал, что вы меня не поймете. О наших отношениях вы судите с точки зрения старой буржуазной морали, которая теперь не в моде у людей нашего круга. Для нас сексуальные связи не имеют никакого значения.

- Отлично вас понимаю. Иначе говоря, вы обратились с просьбой к Оскару Шабю только потому, что он был богат?

- Совершенно верно.

- С таким же успехом вы могли бы обратиться к любому промышленнику или банкиру, с которым не были знакомы?

- Да, если бы оказался в безвыходном положении.

- А разве ваше положение было безвыходное?

- Я задумал крупное издание, посвященное некоторым видам азиатского искусства.

- В этих письмах есть фразы, о которых вы теперь сожалеете?

Кокассону было не по себе, но ему еще удавалось сохранить видимость собственного достоинства.

- Я сказал бы, они могут быть неверно истолкованы.

- Конечно. Люди поверхностные, например, кто не принадлежит к вашему кругу и кому не хватает широты взглядов, могли бы усмотреть в этом шантаж. Правильно я вас понял?

- Более или менее.

- Вы были очень настойчивы?

- Написал три-четыре письма.

- Все по тому же вопросу? И за довольно короткий промежуток времени?

- Я торопился пустить книгу в производство. Один из лучших знатоков восточного искусства уже представил мне текст.

- И Шабю дал вам денег? Кокассон покачал головой:

- Нет.

- Вы были разочарованы?

- Да. Этого я не ожидал. Видимо, знал его недостаточно.

- Он был черствый человек, не так ли?

- Черствый и высокомерный.

- Он ответил вам письмом?

- Даже не дал себе труда написать. Однажды вечером, когда у него на коктейле собралось человек тридцать, я подошел к нему в надежде получить, наконец, ответ.

- И он вам ответил?

- По-хамски: повернулся к гостям и сказал так громко, что все могли услышать: "Да будет вам известно, что мне глубоко наплевать на Мег, а тем более на ваши шашни с моей женой. Перестаньте же вымогать у меня деньги!"

Лицо Кокассона, поначалу бледное, теперь порозовело, а длинные пальцы с холеными ногтями немного дрожали.

- Видите, я вполне откровенно рассказываю о нем. А мог бы помолчать, посмотреть, как повернутся события.

- Иначе говоря, пока не найдутся письма?

- Неизвестно, в чьи руки они попадут.

- Вы встречались с Шабю после того вечера?

- Да, дважды. Нас с Мег продолжали приглашать на площадь Вогезов.

- И вы ходили? - пробормотал Мегрэ с притворным восхищением. - Вы не очень-то злопамятны.

- А что оставалось делать? Шабю был скотиной, но в то же время был сильной личностью. В нашем кругу он унижал не только меня. У него была потребность чувствовать свое превосходство, к тому же он добивался, чтобы его любили.

- Значит, вы надеетесь, что я верну вам эти письма?

- Я предпочел бы, чтобы они были уничтожены.

- И ваши письма и письма вашей жены?

- Письма Мег могут показаться, я полагаю, слишком страстными, даже откровенно эротическими. Что до моих, то, как я уже говорил, их могут неверно истолковать.

- Я посмотрю, чем смогу вам помочь.

- Вы их уже нашли?

Мегрэ не ответил, встал и, давая понять, что разговор окончен, подошел к двери.

- Кстати, - спросил он, - у вас есть пистолет калибра шесть тридцать пять?

- У себя в магазине я держу пистолет. Он уже много лет лежит в одном и том же ящике, и я даже не знаю его калибра. Не люблю оружие.

- Благодарю вас. И еще один вопрос. Знали ли вы, что ваш друг Шабю бывал каждую среду на улице Фортюни?

- Знал. Нам с Жанной случалось этим пользоваться.

- Все. На сегодня хватит. Если понадобится, я вас вызову.

Кокассон удалился, гордо вскинув голову. Вернувшись к столу, комиссар снял трубку и попросил телефонистку соединить его с домом на площади Вогезов.

- Госпожа Шабю? Говорит комиссар Мегрэ. Простите, что беспокою, но в связи с разговором, который только что происходил у меня в кабинете, я должен задать вам несколько вопросов.

- Пожалуйста, но только покороче: я очень занята. Решено, что похороны будут завтра, в самом узком кругу.

- А церковный обряд состоится?

- Только краткая панихида и отпущение грехов... Я известила об этом лишь самых близких друзей и нескольких сотрудников мужа.

- В том числе Лусека?

- Я не могла поступить иначе.

- И Лепетра?

- Конечно. И личную секретаршу мужа, эту худенькую девушку, которую он называл Кузнечиком. На кладбище Иври мы поедем в трех машинах.

- Известно ли вам, где у вашего мужа хранилась личная переписка?

Последовала довольно долгая пауза.

- Представьте, я никогда об этом не думала и теперь пытаюсь сообразить. Оскар получал очень мало писем на домашний адрес. Ему чаще писали на набережную Шарантон. Вы имеете в виду какие-нибудь определенные письма?

- Ну, например, письма от друзей, от женщин.

- Если он их сохранял, они должны лежать в его личном сейфе.

- А где он находится?

- В гостиной, в стене за его портретом.

- У вас есть ключ?

- Вчера ваши люди доставили мне одежду, которая была на муже в среду.

В одном из карманов оказалась связка ключей. Я заметила среди них ключ от сейфа, но потом об этом не думала.

- Не стану больше отнимать у вас время сегодня, но после похорон...

- Можете позвонить мне завтра, во второй половине дня.

- Настоятельно прошу вас ничего не уничтожать, ни малейшего клочка бумаги.

А вдруг ее охватит любопытство и ей уже сегодня захочется открыть сейф, чтобы взглянуть на эти пресловутые письма?..

Затем Мегрэ позвонил Кузнечнику:

- Ну, как дела? В порядке?

- А почему бы им быть не в порядке?

- Я только что узнал, что вас пригласили на похороны.

- Действительно, пригласили, хоть и по телефону. Признаться, я этого не ожидала. Мне казалось, я ей неприятна.

- Скажите, есть у вас на набережной Шарантон сейф?

- Есть. На первом этаже. В комнате бухгалтерии.

- А у кого ключ?

- Ясно, у бухгалтера. Наверняка был и у патрона.

- Вы не знаете, хранил Шабю в этом сейфе свои личные бумаги, ну, скажем, письма?

- Не думаю. Получая частные письма, он тут же рвал их на клочки, либо совал в карман.

- Вам нетрудно на всякий случай справиться об этом у бухгалтера и сообщить мне? Я подожду у телефона.

Мегрэ воспользовался паузой, чтобы разжечь потухшую трубку. В конторе на набережной Шарантон слышались шаги, открылась и закрылась дверь, потом через несколько минут опять стук двери и шаги.

- Вы у телефона?

- Да.

- Я была права. В сейфе лежат только деловые бумаги и некоторая сумма наличных денег. Бухгалтер даже не знает, был ли у патрона ключ. Похоже, второй ключ находится у господина Лепетра.

- Благодарю вас.

- Вы тоже будете на похоронах?

- Вряд ли. Впрочем, меня никто не приглашал.

- Войти в церковь имеет право каждый.

Мегрэ повесил трубку. Голову по-прежнему ломило, но настроение было не таким мрачным, как утром. Поднявшись, комиссар пошел в комнату инспекторов, где Лапуэнт выстукивал на машинке свой рапорт. Печатал он двумя пальцами, но дело у него шло едва ли медленнее, чем у многих машинисток.

- У меня только что был посетитель, - пробурчал Мегрэ. - Издатель книг по искусству.

- Чего ему надо?

- Хочет получить назад свои письма. С моей стороны непростительно было не подумать о личной корреспонденции Оскара Шабю. Среди них есть, конечно, весьма изобличительные. Например, от этого Кокассона, который требовал у него денег.

- За то, что виноторговец спал с его женой?

- Кокассон застал их на месте преступления. Правда, он со своей стороны тоже был связан с Жанной Шабю. Это только один случай. Думаю, что когда мы заполучим корреспонденцию, всплывут и другие.

- А где эти письма?

- Скорее всего в сейфе, который находится в гостиной у Шабю.

- Жена их не читала?

- Говорит, что и не думала об этом сейфе. Ключ попал к ней случайно: она нашла его в одежде, которая была на Оскаре Шабю в среду.

- Вы ей о них сказали?

- Да. И я уверен, что сегодня же вечером она их прочтет. Похороны назначены на завтра. Сначала в церкви Сен-Поль состоится панихида, затем три машины с самыми близкими поедут на кладбище Иври.

- А вы там будете?

- Нет. Зачем? Убийца не из тех, кто может выдать себя своим поведением во время похорон.

- Мне кажется, шеф, вы чувствуете себя лучше?

- Не спешите. Посмотрим, что будет завтра. Была половина шестого.

- Не стоит дожидаться шести часов. Все-таки полезнее сейчас больше побыть дома.

- До свидания, шеф!

- Пока, ребята!

И Мегрэ, с трубкой в зубах, сгорбившись, вялой походкой вышел из комнаты инспекторов.

Спал Мегрэ тяжелым сном и, видимо, без сновидений: утром он ничего не помнил. Ночью ветер переменялся и потеплело, барабана по стеклам, зарядил бесконечный монотонный дождь.

- Температуру будешь мерить?

- Нет, у меня нормальная.

Комиссар почувствовал себя лучше. Выпил, смакуя, две чашки кофе, и жена снова вызвала ему такси.

- Не забудь захватить зонтик.

Войдя в кабинет, комиссар бросил взгляд на ожидавшую его стопку писем. Это уже давно вошло в привычку. Глядя на конверты, он сразу узнавал почерк друга или человека, сообщения от которого ожидал.

На одном из конвертов адрес был выведен печатными буквами, а в левом углу трижды было подчеркнуто слово "лично".

ГОСПОДИНУ КОМИССАРУ МЕГРЭ.

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ 38, НАБЕРЕЖНАЯ ОРФЕВР Мегрэ начал с этого письма. Оно было написано на двух листках бумаги, обрезанной сверху. Видимо, там был напечатан гриф какого-нибудь бара или кафе. Почерк был четкий, ясный, расстояние между словами одинаковое.

Чувствовалось, что писал человек педантичный, внимательный к деталям.

"Надеюсь, мое письмо не застрянет в ваших канцелярских дебрях и вы прочтете его лично.

Это я дважды звонил вам, но быстро вешал трубку, опасаясь, как бы номер не засекли. Кажется, это невозможно, когда звонишь из автомата, но я предпочитал не рисковать.

Меня удивляет, что газеты до сих пор не пишут о подлинном лице Оскара Шабю. Неужели среди людей, хорошо его знавших, не нашлось никого, кто сказал бы правду?

Вместо этого о нем говорят как о человеке недюжинного ума, смелом и упорном, который своими руками создал одно из крупнейших виноторговых предприятий.

Где же справедливость? Ведь он был гадина! Я уже говорил это и снова повторяю! В угоду своему властолюбию он, не колеблясь, жертвовал любым человеком. Я иногда даже думаю, не был ли он, в известном смысле, сумасшедшим?

Трудно поверить, чтобы человек в здравом уме мог вести себя так, как он. Когда дело касалось женщин, ему необходимо было всячески их порочить. Он хотел обладать каждой только для того, чтобы унижить ее и показать свое превосходство. Он всюду похвалялся своими любовными успехами, нисколько не заботясь о репутации этих женщин.

А мужья? Возможно ли, чтобы они ничего не знали? Не думаю. Он их подавлял своим высокомерием и в какой-то степени силой вынуждал молчать.

Ему нужно было принижать всех и вся, чтобы почувствовать себя сильным и могущественным. Вы меня правильно поняли?

Порою невольно говорю о нем в настоящем времени, как будто он еще жив, хотя он, наконец, получил то, чего давно заслуживал. Никто его не будет оплакивать, даже близкие, даже отец, который давно не хотел с ним встречаться.

Об этом газеты умалчивают, и если в один прекрасный день вы арестуете того, кто стрелял, в Шабю и положил конец его бесчинствам, все ополчатся против этого человека.

Я хотел установить контакт с вами. Я видел, как вы входили в дом на площади Вогезов в сопровождении другого человека, видимо, одного из ваших инспекторов. Я видел также, как вы направлялись в контору на набережной Шарантон, где все обстоит не так просто, как вам это хотят изобразить. И вообще, к чему бы ни прикасался этот человек, он все в какой-то степени загаживал.

Вы ищете убийцу? Это ваша работа, и я не питаю к вам неприязни. Но если бы на свете существовала справедливость, убийцу следовало бы найти лишь затем, чтобы выразить ему благодарность.

Повторяю, Шабю был грязная гадина, человек глубоко порочный.

Прошу вас, господин комиссар, извинить меня за то, что я не счел нужным подписаться".

И все же в конце письма был сделан неразборчивый росчерк.

Мегрэ медленно перечитал фразу за фразой. За долгие годы работы ему приходилось получать сотни анонимных писем, и он сразу мог определить, какие из них представляют интерес.

В этом, несмотря на мелодраматичность и безусловные преувеличения, содержались серьезные обвинения и портрет виноторговца отличался изрядным сходством с оригиналом.

Кто его автор? Убийца? Или одна из многочисленных жертв Оскара Шабю?

Возможно, это был человек, у которого он отбил жену, а потом по привычке бросил. А может быть, кто-нибудь из тех, кто пострадал от его беспощадности в делах.

Мегрэ невольно вспомнился незнакомец, приволакивающий ногу, тот, который ожидал его у входа в Уголовную полицию, а потом вдруг повернул в сторону площади Дофини. Вид у него был далеко не процветающий. Вероятно, предыдущую ночь он спал, не раздеваясь. Однако на бродягу он не походил.

В Париже живут тысячи людей, которых трудно причислить к какой-нибудь определенной социальной категории. Часть из них неизбежно опускается на дно, и если такие не кончают жизнь самоубийством, то становятся бездомными бродягами и влачат дни на парижских набережных.

Другие, стиснув зубы, цепляются за жизнь и порой выплывают на поверхность, в особенности если кто-нибудь протянет им руку помощи.

В глубине души Мегрэ был не прочь оказать этому человеку помощь.

Автор письма не походил на безумца, несмотря на ненависть, которую питал к Шабю и которая, по-видимому, стала для него единственным смыслом существования.

Не он ли и убил виноторговца? Возможно. Мегрэ легко мог представить себе, как он поджидает Шабю в сумерках, сжимая холодную рукоятку пистолета.

Итак, он решился и выстрелил раз, два, три, четыре раза и, прихрамывая, направился к метро. Потом, быть может, побрел на Большие бульвары или другой оживленный квартал и вошел в бистро, чтобы обогреться и в одиночестве отпраздновать только что одержанную победу.

Убийство Шабю не было для него неожиданным: он давно все обдумал, но долго колебался, вновь и вновь перебирая в памяти обиды, чтобы подхлестнуть себя.

И, наконец, враг уничтожен. Не исчез ли вдруг для преступника весь смысл его жизни? Об убитом говорят, как о незаурядной личности, как о человеке редких деловых качеств, но не упоминают ни о том, кто совершил убийство, ни о причинах, которые могли его к этому побудить.

И тогда он звонит Мегрэ. Потом пишет письмо, не сознавая, что сообщает достаточно для того, чтобы его можно было разыскать и арестовать.

Звонок возвестил о начале оперативки, и Мегрэ направился в кабинет шефа.

- По делу об убийстве на улице Фортюни ничего нового?

- Ничего определенного. Однако у меня появилась надежда.

- Вы думаете, будет скандал?

Мегрэ нахмурился. Ведь он ничего не рассказывал шефу относительно личности Шабю. Газеты тоже отмалчивались. С чего тогда этот разговор о скандале?

Может быть, начальник полиции знал убитого? Или бывал в кругах, где знали виноторговца? В таком случае ему должно быть известно, что немало людей имели основания ненавидеть Шабю настолько, чтобы желать его гибели.

- Пока ничего определенного, - уклончиво ответил комиссар.

- Во всяком случае, вы хорошо сделали, что не распространялись в присутствии газетчиков.

Потом он просмотрел оставшуюся почту, вызвал машинистку и продиктовал ей несколько писем. Его еще полагивало, он испытывал слабость, но не выпускать носовой платок из рук нужды уже не было.

Незадолго до полудня вернулся Лапуэнт.

- Надеюсь, патрон, вы будете мною довольны. Я почти уверен, что мне удалось сойти за частное лицо... Ну и похороны! Присутствовало не более двух десятков человек, а из служащих был только Лусек.

- Знакомые лица тебе не попадались на глаза?

- Когда я выходил из церкви, мне показалось, что с противоположного тротуара меня кто-то разглядывает.

Я попытался подойти поближе, но пока пробирался через поток машин, человек исчез.

- Возьми-ка, почитай! - И Мегрэ протянул инспектору письмо, читая которое тот несколько раз улыбнулся.

- Думаете, это он?

- Заметь, автор письма подстерегал меня на площади Вогезов, набережной Шарантон, у входа в Уголовную полицию. Сегодня утром он, наверное, ожидал, что я буду на похоронах.

- Он видел меня с вами и узнал.

- Пусть во второй половине дня кто-нибудь из наших ребят будет на площади Вогезов и не показывает вида, что знает меня. Возможно, я найду к госпоже Шабю. Нужно тщательно проследить, не бродит ли кто-нибудь поблизости от дома. Мы уже убедились, что этот тип обладает удивительной способностью мгновенно исчезать.

- Вы хотите, чтобы я это взял на себя?

- Если не возражаешь. Тем более что ты его уже видел.

Завтракать Мегрэ поехал домой. С аппетитом поел и четверть часика вздремнул в кресле. Вернувшись на службу, позвонил на площадь Вогезов и попросил к телефону хозяйку. Ждать пришлось довольно долго.

- Прошу прощения, что беспокою сразу после похорон. Признаться, мне не терпится просмотреть письма, они могут навести на след.

- Вы могли бы приехать сейчас же?

- Охотно.

- В пять часов у меня важное свидание, которое я никак не могу отменить. Если вам удобно...

- Я буду у вас через несколько минут.

Лапуэнт уже стоял на посту, поблизости от дома. Мегрэ попросил Торранса отвезти его и тут же отослал инспектора на набережную Орфевр. С парадной двери исчезли черные драпировки с серебряной бахромой, вид квартиры изменился, - в ней приготовились жить. Только запах хризантем напоминал, что еще недавно здесь лежал покойник.

Жанна Шабю была в том же черном платье, что и накануне, только приколотла брошь из самоцветов, отчего внешность ее казалась менее строгой. Держалась она непринужденно и уверенно.

- Если не возражаете, мы можем перейти ко мне в будуар. Гостиная слишком велика для двоих.

- Вы открывали сейф?

- Не скрою.

- Откуда вы достали шифр? Ведь вы же его не знали?

- Конечно, нет. Я сразу подумала, что он где-нибудь записан у мужа, и поискала в бумажнике. Открыла водительские права, увидела несколько цифр и попробовала покомбинировать с ними.

На столике в стиле Людовика XV лежал наспех перевязанный большой пакет.

- Я не все успела прочитать, - пояснила Жанна Шабю, - тут не хватило бы целой ночи. Меня удивило, что он хранил все эти бумажки. Я нашла даже старые любовные письма, написанные мною в ту пору, когда мы еще не были женаты.

- Думаю, - вставил комиссар, - целесообразнее всего начать с самых давних: они могут пролить свет на убийство.

- Садитесь, пожалуйста.

Мегрэ очень удивился, когда она надела очки, совершенно изменившие ее облик. Теперь Мегрэ понимал ее желание взять дела в свои руки. Эта женщина обладала удивительным хладнокровием и огромной силой воли. Такая легко не откажется от цели, которой задалась.

- Много записок... Посмотрите-ка!.. Тут вот подписано "Рита". Я даже не знаю, о какой Рите идет речь.

"Буду свободна завтра в три. Встретимся там же? Целую. Рита".

- Как видите, особа не из сентиментальных. Почтовая бумага безвкусная, к тому же надушена.

- Даты нет?

- Нет. Но эта записка лежала среди писем, полученных за последние месяцы.

- Вам не попадались письма Жана-Люка Кокассона?

- А вы в курсе дела? Он к вам приходил?

- Он очень обеспокоен судьбой своих писем.

Дождь не прекращался, капли зигзагами ползли по стеклам высоких окон.

В квартире было тихо, спокойно. Хозяйка и комиссар сидели вдвоем у стола, где были разложены сотни писем и записок - своеобразный итог жизненного пути человека.

- Вот письмо Кокассона. Хотите взглянуть?

- Да!

- Можете курить свою трубку. Мне это совсем не мешает.

Дорогой Оскар!

Меня греют воспоминанья о нашей старой дружбе, но я долго колебался, прежде чем решился написать тебе, но вспомнил о нашей дружбе, и сомнения мои рассеялись. У тебя блестящие качества делового человека, тогда как я не очень-то смыслю в цифрах, и поэтому мне неприятно говорить о деньгах.

Профессия издателя книг по искусству своеобразна. Мы постоянно ищем рукописи, которые обещали бы наибольший успех. Такого случая приходится ждать очень долго, и когда, наконец, судьба тебе улыбнется, порою оказывается, что ты не имеешь возможности эту издать.

Так случилось и со мной. Именно теперь, когда у меня застой в делах и мне в течение года ничего не удалось напечатать, я получил удивительную работу о некоторых аспектах азиатского

искусства. Я уверен, что это значительное произведение. И будет иметь заслуженный успех. Я даже убежден, что смогу продать права на издание книги в США и других странах, а это намного перекроет расходы.

Однако, чтобы издать книжку, необходимо - и немедленно, около двухсот тысяч франков. А у меня ни сантима. Что касается Мег, то ее личные сбережения не превышают десяти тысяч.

Не мог бы ты ссудить меня нужной суммой? Я знаю, что для тебя это сушая безделица. Мне впервые приходится обращаться с подобной просьбой, и потому я чувствую себя очень неловко.

Я говорил с Мег, и она уверила меня, что ты питаешь к нам подлинно дружеские чувства и не откажешь в подобной услуге.

Позвони мне по телефону или сообщи письменно, где мы можем встретиться - у тебя дома или в одной из твоих контор. Я готов подписать любые бумаги.

- Омерзительно, не правда ли? - Госпожа Шабю закурила сигарету. - Вы заметили намек на Мег? Другое письмо короче.

Оно было написано от руки, мелким неровным почерком.

Дорогой друг, Я крайне удивлен, что до сих пор не получил ответа на мое письмо: мне стоило огромного усилия его написать. Моя откровенность говорит о доверии, с каким я к тебе отношусь.

За это время мое положение еще более осложнилось. Мне вскоре предстоит довольно крупные платежи, из-за которых, возможно, я даже вынужден буду скрыться Мег в курсе дела. Она очень волнуется и настояла на том, чтобы я тебе написал.

Надеюсь, ты докажешь, что истинная дружба - не пустые слова.

Рассчитываю на тебя.

Преданный тебе Жан-Люк.

- Не кажется ли вам, что в этих словах таится скрытая угроза?

- Несомненно, - буркнул Мегрэ. - Это достаточно ясно.

- А теперь почитайте письма Мег.

Нежно любимый!

Мне кажется, я не видела тебя уже вечность, хотя мы и встречались в прошлый понедельник. Какое блаженство я испытываю в твоих объятиях, как спокойно чувствую себя, прижавшись к твоей груди!

Позавчера я послала тебе записку в надежде на свидание. Я пришла в обычное место, но тебя там не оказалось, и госпожа Бланш сказала, что ты не звонил.

Я очень беспокоюсь. Я знаю, что ты занят, что у тебя важные дела, что, наконец, я у тебя не одна. Я не ревную, но живу мыслью, что ты не покинешь меня совсем: мне так нужно чувствовать твой запах, чувствовать, как ты стискиваешь меня с такой силой, что мне становится больно.

Прошу тебя, отзовись побыстрее. Я не жду длинного письма. Назначь только день и час встречи.

Жан-Люк последнее время очень озабочен. Он задумал одно издание, которое, по его словам, должно стать делом его жизни. Каким он кажется бесцветным и незначительным рядом с таким человеком, как ты!

Целую тебя бесчисленное число раз.

Твоя Мег.

- Подобных писем много, и все на один лад. Некоторые даже откровенно эротичны.

- От какого числа последнее?

- Пришло перед нашим отъездом на отдых.

- А где вы отдыхали?

- Как всегда, у себя в Канне. Оскару все же пришлось два-три раза ненадолго слетать в Париж. Вместе с нами отдыхали некоторые парижские друзья, но Кокассонов среди них не было. Мне помнится, у них есть домик в Бретани, в какой-то деревушке, излюбленной художниками.

- Вам не попадались другие письма, в которых у вашего мужа просят денег?

- Я прочитала далеко не все. Есть, например, записка от Эстеллы Жапи, очень предприимчивой вдовы, с которой Оскар некоторое время встречался.

Дорогой друг!

Посылаю вам счет, который мне трудно самой оплатить. В ожидании удовольствия вас увидеть.

Эстелла.

- Счет приложен к письму?

- Я его не нашла и не знаю, за что он выписан и о какой сумме идет речь. Может быть, драгоценности? Или меховое манто? Эта дама была сегодня утром в церкви, но на кладбище не поехала.

- Полагаю, вы не позволите мне взять эти письма с собою? А я мог бы заняться ими в воскресенье дома.

- Очень неприятно отказывать вам, но мне не хотелось бы даже ненадолго отдавать эти документы. Приходите в любое время, хоть завтра.

Вы сможете спокойно их прочесть. Тут есть письмо от архитектора Робера Труара, который пытался заинтересовать мужа постройкой роскошного жилого дома.

- Ему и раньше приходилось получать подобные предложения?

- Насколько мне известно, нет.

- А была у него связь с женой Труара?

- Ну, конечно! Как со всеми! Однако не думаю, чтобы ее муж об этом знал. Смотрите, вот самое экстравагантное письмо. Шесть страниц неистовой эротики. Некая Ванда, которую я не знаю, не только испытывает потребность восстановить во всех деталях все, что они проделывали накануне, но с бредовым воображением предвкушает в подробностях то, что им предстоит во время будущего свидания. Похоже, она русская или полька.

Оскару, должно быть, стоило большого труда от нее отделаться... А вот еще одно, от Мари-Франс, жены Анри Лежандра...

Она протянула Мегрэ голубоватый листок, на котором было написано синими чернилами:
Мое противное сокровище!

Мне следовало бы тебя ненавидеть, и так оно будет, если ты в течение этой недели не попросишь у меня прощения. Я многое о тебе узнала, не буду говорить от кого: этот человек - одна из твоих жертв. Правда, совсем не обязательно, чтобы ты всех помнил.

Короче говоря, несколько дней назад, когда ты был на каком-то коктейле, кто-то заговорил обо мне. И вот, я знаю, ты громко выпалил в присутствии по крайней мере пяти человек:

- "Какая жалость, что у нее такая дряблая грудь".

Я и раньше знала, что ты хам. Теперь у меня есть тому доказательства.

Но, несмотря ни на что, у меня не хватает мужества тебя не видеть.

Теперь дело за тобой.

- Картина показалась бы вам еще более пикантной, если бы вы знали этих людей, если бы вы видели, например, входящую в салон в сопровождении мужа прелестную госпожу Лежандр с бриллиантами на груди. А сейчас вам придется со мной расстаться, так как с минуты на минуту

явится Жерар. Я имею в виду Жерара Обэна, банкира. Я должна с ним кое о чем посоветоваться. Я ему полностью доверяю... Если вам угодно зайти завтра, во второй половине дня...

- Вряд ли.

- Понимаю. Вам приятнее будет провести воскресенье в семейном кругу.

Она и не подозревала, что супруги Мегрэ, как обычно, удовольствуются тем, что пойдут на дневной сеанс в ближайшее кино, а затем под руку вернутся домой.

На площади Мегрэ заметил Лапуэнта.

- Вы были правы, патрон. Но он от меня улизнул. Это не человек, а угорь. Я искал его поблизости от дома, но к самому дому я подойти не решился. Случайно заглянул в сквер на площади Вогезов. Из-за дождя там было мало народу. На одной из скамеек сидел человек. Я почти уверен, что это он: коричневая мягкая шляпа, темный костюм.

Я вошел в сквер и направился к нему, но не успел сделать и десяти шагов, как он встал со скамейки и скрылся на улице Бираг.

Я кинулся вдогонку, к большому удивлению двух старушек, которые болтали, сидя под одним зонтиком. Но когда я достиг улицы Сент-Антуан, моего молодчика и след простыл. Он ходит за вами по пятам, как будто хочет убедиться, что вы продолжаете розыск.

- Видимо, он знает обо всем этом больше, чем я. Если бы только он заговорил! Ты с машиной?

- Нет. Приехал автобусом.

- Тогда вернемся тем же способом. И Мегрэ, сунув руки в карманы, направился к остановке.

Глава V

Чета Мегрэ не пошла в кино, как мечтал комиссар накануне. Крупный дождь с шумом барабанил по мостовой, и на бульваре Ришар-Ленуар почти не было прохожих. Только несколько темных фигур под зонтиками пробежали к воскресной мессе, прижимаясь к стенам домов.

Прежде чем заняться утренним туалетом, а на это Мегрэ, вопреки своим привычкам, решился лишь около десяти, он долго слонялся по квартире в пижаме и халате. Делать ничего не хотелось.

Его опять знобило. Температура, правда, была небольшая, но он был вялым. Госпожа Мегрэ никогда не пропускала случая побаловать мужа, и он всякий раз начинал ворчать, притворяясь, что не нуждается в ее заботах.

- Что у тебя на завтрак?

- Жаркое с сельдереем и пюре.

Все, как в детстве - воскресное жаркое! В те времена Мегрэ любил сильно прожаренное мясо... Вообще в этот день на него не раз пахнуло детством.

Супруги сидели у себя, поглядывая, как хлещет дождь. Около полудня Мегрэ, поколебавшись, объявил:

- Налью-ка я себе стаканчик сливянки вместо аперитива.

Жена не стала возражать, и комиссар открыл буфет. Ему предстояло выбрать между сливянкой и малиновой настойкой. И ту и другую присылала свояченица из Эльзаса. Малиновая настойка была душистой: достаточно было секунду подержать глоток во рту, чтобы потом добрых полчаса ощущать ее аромат.

- Тебе налить капельку?

- Нет, ты же знаешь: после этого меня клонит в сон.

В квартире пахло чем-то вкусным, даже насморк лишь слегка мешал наслаждаться этими ароматами, и комиссар спокойно листал еженедельники, просмотреть которые не успевал в обычные дни.

- Странно все-таки! В некоторых кругах уже не осталось ничего святого...

Жена не спросила, на что он намекает: Мегрэ, несмотря ни на что, даже вопреки собственному желанию, был поглощен делом Шабю, и время от времени у него вырывалось несколько соответствующих фраз:

- Когда добрая сотня людей не прочь избавиться от одного и того же человека...

Кто же этот полухромой субъект, с такой ловкостью растворяющийся в толпе? И как он ухитряется заблаговременно оказываться там, где появляется Мегрэ?

После обеда комиссар вздремнул в кресле. Когда он раскрыл глаза, госпожа Мегрэ шила: сидеть сложа руки она вообще не могла.

- А я проспал дольше, чем думал.

- Это тебе только на пользу.

- Хоть бы уже этот грипп проявился по-настоящему...

Он включил телевизор. Передавали ковбойский фильм, и Мегрэ не без удовольствия стал смотреть его. Среди действующих лиц был, конечно, отрицательный персонаж, который напоминал ему Шабю. Как и виноторговец, злодей хотел доказать всем, а заодно и себе самому, что он силен, и потому унижал ближних.

Когда фильм окончился, комиссар вдруг вспомнил свой вчерашний визит на площадь Вогезов и пробормотал:

- Любопытная особа!

- Кто же теперь станет заниматься делами фирмы?

- Она сама.

- А она в курсе дел?!

- Почти нет. Но я уверен, она быстро освоится и прекрасно будет справляться. Бьюсь об заклад, не пройдет и года, как Лусека выставят за дверь.

Он читал статью об исследовании морского дна, когда на ум пришла одна мысль. Что все-таки сказала Кузнечик насчет бухгалтера? Что он новичок и служит всего несколько месяцев. А как же предшественник? Сам ушел или был уволен?

Комиссару хотелось получить ответ немедленно: мысль, пришедшая ему в голову, не оставляла его ни на минуту. Он перелистал телефонный справочник и нашел номер девушки.

Звонил он долго, но никто не ответил. Кузнечик с матерью, наверное, ушли в кино или к родственникам. Вторично, но так же безрезультатно он позвонил около половины восьмого.

- Думаешь, она что-нибудь знает?

- Она не сообразила, что это важно, потому мне и не сказала. Впрочем, вполне возможно, это ложный след. Их передо мной сейчас столько...

И все-таки неплохое воскресенье! Поужинали супруги холодным мясом и сыром. В десять часов уже улеглись.

Наутро вместо того, чтобы отправиться на набережную Орфевр, Мегрэ позвонил Лапуэнту и попросил приехать за ним на машине.

- Малость отдохнули, патрон?

- Я, можно сказать, весь день не вставал с кресла и совсем одеревенел. На набережную Шарантон, дружок!

Служащие были на местах, но спешки никакой не чувствовалось. Казалось даже, все сидят без дела. Только в глубине двора, накрыв головы мешками для защиты от дождя, люди катали бочки.

- Пока я буду занят, зайди-ка к бухгалтеру и поболтай с ним, - сказал Мегрэ Лапуэнту, а сам поднялся по лестнице, постучал и, открыв дверь, увидел Анну-Мари. Она встретила его с той же открытой, чуть ироничной улыбкой.

- Вы не были на похоронах? - спросил Мегрэ.

- Нет. Служащих просили не ходить.

- Кто просил?

- Господин Лусек. Он оповестил нас об этом служебной запиской.

- Кстати, мадемуазель, вчера мне вдруг вспомнилось: я кое-что упустил в разговоре с вами. Упомянув о бухгалтере, вы заметили, что он работает здесь совсем недавно, не так ли?

- Совершенно верно. Он поступил в контору первого июля. Удивительно, что вы заговорили об этом именно сегодня.

- А почему?

- Да потому, что и я как раз подумала об этом вчера, когда была в кино. Я тут же решила поговорить с вами, как только вы появитесь.

Прежний бухгалтер, Жильбер Пигу, покинул нашу контору в июне, если не ошибаюсь, в конце июня. Поэтому я не сочла нужным о нем упоминать.

Мегрэ сидел на вертящемся стуле Оскара Шабю; девушка, закинув ногу на ногу, - напротив него. Мини-юбка лишь до половины прикрывала ее длинные бедра.

- Он ушел по собственному желанию?

- Нет.

- Что он за человек?

- Ничего примечательного, совершенно незаметный. Кстати, вы видели нашу бухгалтерию? Она на первом этаже с окнами во двор. Бухгалтерия - это громко сказано. Настоящая бухгалтерия находится на авеню Опера. А здесь через руки бухгалтера проходят лишь пустяковые бумажки.

- Пигу женат?

- Да. Точно женат. Об этом я узнала, когда однажды он позвонил по телефону и предупредил, что не сможет выйти на работу. Его жену должны были срочно оперировать: кажется, острый аппендицит. Человек он был неразговорчивый, словно боялся людей и хотел казаться как можно незаметнее.

- А работник хороший?

- Эта должность никакой инициативы не требует. Все идет заведенным порядком.

- Он пытался ухаживать за вами или за кем-нибудь из машинисток?

- Что вы! Для этого он слишком робок! Поступил он сюда более пятнадцати лет назад, когда дело только начинало разворачиваться. Мне очень жаль беднягу.

- Почему?

- Я вспомнила его последнюю встречу с патроном. Все бы отдала, только бы не присутствовать больше при подобной сцене. Ничего постыднее за всю жизнь не наблюдала. Как сейчас вижу патрона. Приехал однажды в десять часов утра с авеню Опера и говорит мне, потирая руки:

"Позвоните-ка Пигу и велите ему ко мне подняться!"

Он как будто заранее радовался тому, что предстоит, и это меня тревожило.

"Садитесь, господин Пигу. Чуть левее, к свету. Терпеть не могу разговаривать с людьми, когда их плохо видно. Ну, как дела?"

"Благодарю вас, хорошо..." - "Жена ваша здорова?" - "Да" - - "Она по-прежнему служит на улице Сент-Онорэ в бельевом магазине, если не ошибаюсь?"

Анна-Мари прервала свой рассказ и пояснила:

- У него была удивительная память на людей и на мельчайшие подробности. Он никогда не видел госпожу Пигу, но запомнил, что она служит продавщицей в бельевом магазине на улице Сент-Онорэ.

- Моя жена больше не работает". - "Очень жаль".

Бухгалтер смотрел на патрона, не зная, что и подумать. А Шабю невозмутимо продолжал:

"Итак, господин Пигу, вы уволены! Да, сегодня вы работаете у меня последний день. А поскольку рекомендаций я вам давать не собираюсь, вы рискуете долго оставаться без работы".

Он играл с ним, как кошка с мышкой, и мне было очень больно наблюдать за этой сценой.

Пигу, сидя на кончике стула, не знал, что делать, куда девать руки, а в глазах была такая тоска, что, казалось, он вот-вот заплачет.

"Видите ли, господин Пигу, если человек решил стать мошенником, ему следует это делать с размахом и некоторой лихостью".

Бухгалтер, вертясь на краю стула, пытался что-то возразить, поднимал руку, открывал рот. "Нате, возьмите эту бумагу! У меня осталась копия.

Здесь список сумм, которые вы украли у меня за последние три года". "Вот уже пятнадцать лет, как я..." - "Совершенно верно! Вот уже пятнадцать лет, как вы здесь служите, и я не могу понять, почему вы стали заниматься темными делишками только три года назад".

Слезы катились по бледному лицу Пигу. Он хотел подняться, но Шабю приказал:

"Сидите! Терпеть не могу вести разговор, когда собеседник стоит.

Итак, как видно из этого списка, за три года вы присвоили из моей кассы три тысячи восемьсот сорок пять франков. И все небольшими суммами.

Сначала по пятьдесят франков. Потом по сто. Наконец, взяли сумму покрупнее: пятьсот франков". - "Это было на Рождество". - "Ну "и что же?"

- "Это должно было означать, что я получил награду". - "Ничего не понимаю". - "Моя жена давно не работает. У нее слабое здоровье". - "Вы хотите сказать, что воровали у меня ради жены?" - "Даю вам слово! Она без конца попрекала меня, уверяла, что я-человек без честолюбия, что хозяин меня эксплуатирует и должен платить гораздо больше". - "В самом деле?" - "Она настаивала, чтобы я просил прибавки". - "А вы на это не отваживались?" - "Это ни к чему бы не привело". - "Верно. Таких, как вы - мелких служащих без инициативы и специальных познаний - хоть пруд пруди".

Пигу, уставясь на письменный стол, за которым сидел патрон, словно окаменел.

"И вот однажды я сказал Лилиан, что попросил прибавки и мне увеличили жалованье на пятьдесят франков". - "Твой патрон не очень-то раскошелится, - отрезала она, - но, во всяком случае, для начала это неплохо".

Анна-Мари прервала свой рассказ:

- Сцена становилась все мерзостнее.

Чем больше терялся Пигу, тем большее ликование выражали глаза Оскара.

- "Год назад, - подхватил Шабю, - вы увеличили прибавку до ста франков, а перед Рождеством сообщили вашей супруге, что получили от меня пятьсот франков премиальных. Теперь, я полагаю, в ее глазах вы стали незаменимым служащим?" - "Простите меня..." - "Слишком поздно, господин Пигу. Для меня вы больше не существуете. Весьма возможно, что в один прекрасный день господин Лусек надумает меня обворовать. Я доверяю ему не больше, чем любому другому. Быть

может, он уже даже начал. Но у него хватит ума сделать это так, чтобы никто не заметил. Такой не станет тащить у меня мелкими суммами, чтобы выставить себя перед женой шикарным мужчиной. Он меня обворует как следует, а я скорее всего сниму перед ним шляпу. Что касается вас, Пигу, вы - жалкое существо. Таким вы были раньше, таким и останетесь навсегда. Вы полное ничтожество и мразь. Прошу вас, подойдите поближе!"

Видя, что Шабю поднялся, а Пигу сделал несколько шагов, я чуть не вскрикнула: "Нет!" Но патрон оказался проворнее, и тут же раздался треск пощечины.

"Это за то, что вы считали меня дураком. Я мог бы передать вас в руки полиции, но меня это не интересует. Сейчас вы последний раз переступите порог этой комнаты, возьмете свои вещи и - чтоб духу вашего больше здесь не было! Вы подонок, Пигу, и, что еще хуже, набитый дурак!"

Девушка замолчала.

- И он ушел?

- А что ему еще оставалось? Он забыл в ящике свою авторучку, но так за ней и не зашел.

- И больше вы ничего о нем не слышали?

- Первые месяцы ничего.

- Его жена вам звонила?

- Не то в сентябре, не то в начале октября она сама явилась сюда.

- Ее принял Шабю?

- Сначала она сидела у меня, патрона не было. Пришла узнать, работает ли у нас ее муж.

"А разве он не говорил, что не работает здесь уже с начала июня?" - спросила я". - "Нет. По утрам он продолжал уходить из дому, как обычно.

Распорядок дня у него был тот же, а в конце месяца он вручал мне свое жалованье. Говорил, что у него очень много работы, а потому поехать в отпуск летом не удастся. "Мы наверстаем это зимой. Мне давно хотелось заняться зимним спортом". - "И вас это не удивило?". - "Знаете, он мало меня интересует...".

Она была намного красивее, чем я ожидала, невысокая, с прекрасной фигурой, очень мило одета.

"Я надеялась, что вы сможете сообщить мне что-нибудь о моем муже. Вот уже два месяца, как он исчез". - "Отчего же вы раньше не пришли?" - "Я решила, что он никуда не денется и в конце концов вернется домой. А теперь деньги у меня на исходе...".

При этих словах вошел Шабю, оглядел ее с ног до головы и бесцеремонно обратился ко мне:

"Это кто?" - "Госпожа Пигу". - "Что ей нужно?" - "Она думала, что ее муж все еще служит у нас. Оказывается, он исчез". - "Черт возьми!" - "В течение нескольких месяцев после увольнения он вручал жене сумму, равную его жалованью".

Шабю повернулся к просительнице:

"И вы ничего не замечали? Я не знаю, где ваш муж брал все это время деньги, но полагаю, что доставались они ему нелегко. Итак, вам неизвестно, что он оказался вором? Мелким воришкой, который уверял вас, что получил от меня прибавку? Коль он перестал приходить домой, значит пошел ко дну". - "Что вы хотите сказать?" - "Можно продержаться на поверхности месяц-другой. Но наступает минута, когда тебя засасывает окончательно. - И обратившись ко мне, добавил:

- Не могли бы вы нас оставить, Анна-Мари?"

Я прекрасно знала, что сейчас произойдет. Мне стало противно. Я вышла во двор подышать воздухом, а через полчаса увидела, как госпожа Пигу уходила. Она отвернулась, но я успела заметить, что губная помада размазана у нее по щеке.

Мегрэ молча набил трубку, раскурил ее и только потом тихо произнес:

- Позвольте мне, детка, задать вам нескромный вопрос, не относящийся к делу. - Она с беспокойством посмотрела на него. - Почему же вы, зная, какой это человек, продолжали с ним интимную связь?

Сначала она отнеслась к его словам легкомысленно:

- Он или другой... Кто-нибудь ведь нужен... - Но тут же добавила более серьезным тоном:

- Со мной он был совсем не таким. Со мной ему не нужно было пускать пыль в глаза, фанфаронить. Напротив, он не скрывал своей уязвимости. "Может, это потому, - говорил он, - что ты не расчетлива. Ты еще девчонка и даже не пытаешься воспользоваться нашей связью..." Он очень боялся смерти. Видимо, предчувствовал, что с ним это должно случиться: "Может, черт возьми, кто-нибудь из этих презренных людишек и взбесится!" - "Зачем же вы делаете все для того, чтобы вас ненавидели?"

"Потому, что я неспособен внушить к себе любовь. А раз так, то пусть меня хоть ненавидят". - И она закончила уже не так оживленно:

- Вот и вся история. Больше я ничего не слышала о Пигу и не знаю, что с ним случилось. Мне сначала даже в голову не пришло вам о нем рассказывать.

Ведь все это - дело прошлое. Но вот вчера в кино я вдруг вспомнила про эту пощечину.

Поговорив с Кузнечиком, Мегрэ спустился по лестнице. В бухгалтерии Лапуэнт беседовал с молодым человеком в темном, плохо сшитом костюме.

- Знакомьтесь, патрон. Это господин Жак Риоль.

- Мы с ним уже встречались.

Риоль, взволнованный встречей с комиссаром, вскочил. Его комната была самой мрачной в доме, и по какой-то таинственной причине здесь особенно разило солодом. На полках стояли зеленые папки, как в провинциальной канцелярии. В простенке возвышался огромный старомодный сейф. Мебель, купленная, видимо, по случаю, была испещрена чернильными пятнами и даже изрезана, как школьные парты.

Риоль переминался с ноги на ногу, и Мегрэ казалось, что он видит перед собой молодого Жильбера Пигу, когда тот еще только начинал службу у виноторговца.

- Ты закончил, Лапуэнт?

- Я ждал вас, патрон.

Они попрощались с молодым человеком и через несколько минут уже сидели в маленькой черной машине. Лапуэнт вздохнул:

- Мне уже казалось, что вы никогда не вернетесь. До чего тягостно ожидание в обществе такого нудного и унылого парня, как этот бухгалтер!

Диплома у него нет, но он учится на вечерних курсах и надеется через два года получить его. Родом он из Невера, обручен со своей землячкой.

Пожениться они смогут лишь тогда, когда у него будут заработки побольше.

Нынешнего жалованья не хватит, чтобы содержать семью.

- Девушка по-прежнему живет в Невере?

- Да. Вместе с родителями. Служит в галантерейной лавке. Один раз в месяц он к ней ездит.

Лапуэнт машинально повел машину в сторону набережной Орфевр.

- Свези-ка меня раньше на улицу Фруадво, пятьдесят семь "а",скомандовал Мегрэ.

Они выехали на бульвар Сен-Мишель и свернули направо к кладбищу Монпарнас. - А этот Риоль был знаком со своим предшественником?

- Нет. Он явился по объявлению. На работу его принял сам Шабю.

- Ясно. Виноторговец сразу угадал в нем человека безвольного.

- Что вы хотите этим сказать?

- Шабю окружал себя людьми слабыми, безропотными, исключение составляет один лишь Лусек. В конечном счете этот Шабю презирал весь мир - как тех, кто на него работал, так и друзей, которые бывали у него дома. Кажется, приехали... Ты со мной не поднимайся. Я должен повидать госпожу Пигу, и если мы явимся вдвоем, это может показаться слишком официальным и напугает ее. Подожди меня в этом баре.

Мегрэ заглянул в дверь привратницей.

- Скажите, пожалуйста, как мне найти госпожу Пигу?

- Пятый этаж, налево.

- Она сейчас дома?

- По-моему, не выходила. Должно быть, у себя.

Лифта не было, и Мегрэ стал подниматься на пятый этаж, иногда останавливаясь, чтобы отдышаться. На втором этаже слышалось радио. На площадке этажом выше малыш лет четырех-пяти забавлялся игрушечным автомобилем.

Не найдя звонка, Мегрэ постучал. Никакого ответа. Он постучал вторично, досадуя при мысли, как бы не пришлось подниматься снова. Затем приложил ухо к двери, но ничего не услышал. Он все-таки постучал в третий раз, да так, что дверь задрожала от ударов. Только тогда послышались шаги, вернее, шарканье комнатных туфель.

- Кто там?

- Откройте, пожалуйста. Мне нужна госпожа Пигу.

- Сейчас!

Дверь наконец приоткрылась. Молодая женщина, запахнув на груди халат, с любопытством уставилась на посетителя.

- Что вы продаете?

- Я ничего не продаю. Мне просто нужно с вами поговорить. Я - комиссар Мегрэ из Уголовной полиции.

- Проходите! Я неважно себя чувствую и немного вздремнула.

Войдя в гостиную, она закрыла дверь в спальню, в которой Мегрэ успел заметить неубранную постель.

- Садитесь, - сказала она, указывая на стул.

Окно выходило на кладбище, где виднелись высокие деревья. Мебель наверняка была куплена в большом универмаге на бульваре Барбес. На языке каталогов, она была "в деревенском стиле". На круглом столике стоял проигрыватель, а рядом на диване были разбросаны пластинки. Видимо, Лилиан любила слушать музыку лежа. Пепельница была полна окурков.

- Вы по поводу моего мужа?

- И да, и нет. Что-нибудь о нем узнали?

- Нет, все еще ничего. Я ходила к нему в контору, но оказалось, что он не работает там уже полгода.

- Сколько времени прошло с тех пор, как он исчез?

- Два месяца. Это было в конце сентября, в тот день, когда он должен был принести мне жалованье.

Она сидела на подлокотнике кресла, всякий раз, когда полы халата распахивались, показывалось ярко-розовое белье. Но это ее не беспокоило.

Должно быть, она привыкла так ходить дома даже при посетителях.

- Давно вы замужем?

- Восемь лет. Жильбер случайно заглянул в магазин, где я работала. Он слишком долго выбирал себе галстук. Видно, я ему приглянулась. Вечером, когда я вышла из магазина, он поплелся следом. Так продолжалось с неделю. Он шел рядом, но не осмеливался заговорить.

- Он уже тогда жил в этой квартире?

- Нет. Снимал меблированную комнату в Латинском квартале. Не прошло и трех недель, как он сделал мне предложение. Я-то не слишком пылала. Это был славный парень, но звезд с неба не хватало.

- Вы не были в него влюблены? Она посмотрела на Мегрэ, отмахнув рукой табачный дым.

- А разве такое бывает? Я в это не слишком верю.

- Скажите, госпожа Пигу, ваш муж прихрамывает?

- Да, его сбила машина. Когда приходится быстро ходить, он немного отбрасывает левую ногу в сторону.

- И давно это случилось?

- Еще до того, как мы познакомились.

- Выйдя замуж, вы продолжали работать?

- Первые три года. Но это было невыносимо. Утром нужно было приготовить завтрак и убрать квартиру. В двенадцать часов мы встречались в ресторане, вечером мне приходилось ходить за провизией, готовить ужин, заниматься хозяйством. Это была не жизнь.

Мегрэ посмотрел на узкий диван, заваленный пластинками и иллюстрированными журналами, на пепельницу, полную окурков. Это было, наверное, ее излюбленное место, здесь она, вероятно, и дремала, когда ему пришлось так настойчиво колотить в дверь.

Были у нее любовники? Мегрэ мог побиться об заклад, что да - хотя бы от нечего делать.

С ее лица не сходило недовольное выражение. По-видимому, оно было для нее обычным.

- Вы ничего не замечали за вашим мужем перед тем, как он исчез?

- Нет. Работал ли он где-нибудь - не знаю, но уходил он из дома и возвращался ежедневно в одно и то же время.

- В конце месяца он вручал вам ту же сумму, что раньше?

- Да. Я выдавала ему сорок франков на сигареты и мелкие расходы.

- Вы не обеспокоились, когда он пропал?

- Не очень. Меня не так легко вывести из равновесия. Однажды я решила позвонить ему в контору. К телефону подошел какой-то мужчина. Я попросила позвать мужа. "Его здесь нет, - ответил он. - А когда он будет - не знаю. Я сам давно его не видел". - И повесил трубку. Вот тогда-то я немного встревожилась и пошла в полицию, чтобы узнать, не слышали ли они что-нибудь о нем, не было ли какого-нибудь несчастного случая... - Как видно, госпожа Пигу не слишком рьяно разыскивала супруга. - Вы не знаете, где он?

- Нет. Я пришел, чтобы задать этот вопрос вам. Вы не предполагаете, где бы он мог скрываться?

- Только не у отца. Старик живет на улице Алезия вот уже около полувека. Там же родился и Жильбер. Мать его умерла, отец на пенсии. Он работал кассиром в отделении Лионского кредита.

- Отец с сыном в хороших отношениях?

- Не очень. Мне кажется, старик меня не выносит. Жильбер, разумеется, меня защищал. Поэтому в последние годы у них были прохладные отношения.

- Вы не сообщили отцу, что ваш муж исчез?

- Зачем? Они и так виделись не больше раза в год, первого января. На Новый год мы ходили к старику вдвоем, и он всегда угощал нас стаканчиком портвейна с бисквитом. Жилье у него типично холостяцкое.

- Как вы можете объяснить, что ваш муж, потеряв место, продолжал в течение трех месяцев приносить жалованье!

- Должно быть, где-нибудь работал.

- У вас не было сбережений?

- Что вы! Одни долги! За холодильник мы до сих пор не расплатились, а вот теперь мне пришлось отказаться от машины для мытья посуды.

- У вашего мужа не было ценных вещей?

- Конечно, нет. Даже кольца, которые он мне подарил, - подделки. Но вы до сих пор не сказали, почему вас так интересует Жильбер?

- Хозяин выгнал Пигу с работы в конце июня, после того, как обнаружил, что тот в течение трех лет более или менее ловко залезал к нему в кассу.

- Неужели у него была любовница?

- Думаю, что нет. Он брал очень маленькими суммами. Поначалу по пятьдесят франков в месяц.

- Значит, это и была так называемая прибавка?

- Совершенно верно. Вы его донимали, требуя поговорить с Шабю о прибавке, а так как у него не хватало на это духу, да и ни к чему, кстати, не привело бы, он стал подделывать подписи. От пятидесяти франков перешел к ста. Потом на последнее Рождество...

- Пятьсот франков наградных? - Она пожала плечами и добавила:

- Какой идиот. Чего он этим добился? Надеюсь, ему удалось найти другое место?

- Сомневаюсь.

- Почему?

- Мне случалось видеть его на улицах в разное время дня, когда конторы и магазины еще открыты.

- Он что-нибудь натворил? У вас есть основания его разыскивать?

- Дело в том, что в прошлую среду возле дома свиданий на улице Фортюни был убит Оскар Шабю. У вашего мужа есть оружие?

- Маленький черный пистолет. Еще с военной службы, подарок приятеля.

- А сейчас пистолет здесь, дома?

Она поднялась и, шаркая шлепанцами, направилась в спальню. Слышно было, как открываются и закрываются ящики.

- Не могу найти. Неужели Жильбер унес его с собой? По-моему, он никогда им не пользовался, и я не уверена, что к нему были патроны. Я, по крайней мере, их не видела.

Молодая женщина снова закурила сигарету и на этот раз уселась в кресло.

- Вы и в самом деле полагаете, что он способен убить своего хозяина?

- Шабю жестоко обошелся с ним и дал ему пощечину.

- Представляю! Ведь я тоже с ним встречалась. Меня это нисколько не удивляет. Этот Шабю - ужасная скотина.

- Он вам не рассказал о случившемся?

- Нет. Только выразил удовлетворение, что избавился наконец от моего мужа, а также заметил, что и для меня это избавление.

- Он дал вам денег?
 - Почему вы об этом спрашиваете?
 - Потому что это было бы на него похоже. Предполагаю, что между вами могло произойти.
 - У вас действительно богатое воображение.
 - Я просто знаю его манеру обращаться с женщинами.
 - Вы хотите сказать, что так он ведет себя со всеми?
 - Вы угадали. Он назначил еще одно свидание?
 - Нет. Только попросил мой телефон.
 - Но не позвонил?
 - Нет.
 - Вы не ответили насчет денег.
 - Он дал мне тысячу франков.
 - А на что вы живете сейчас?
 - Выкручиваюсь, как могу. Слежу за объявлениями по найму, пишу письма, но пока безрезультатно.
- Мегрэ наконец поднялся. Ноги у него онемели, лоб покрылся испариной.
- Благодарю за прием.
 - Вы сказали, комиссар, что видели мужа много раз. Следовательно, вы скоро можете его найти?
 - При условии, если он снова попадетсЯ мне на пути и не исчезнет в толпе, как делал это до сих пор.
 - Как он выглядит?
 - Очень усталым... Есть у него друзья в Париже?
 - Таких не знаю. Мы бывали только у моей подруги Надины, которая живет с одним музыкантом. Иногда они проводили вечер у нас. Брали бутылочку-другую вина, и ее приятель играл нам на электрической гитаре.
 - Должно быть, - подумал Мегрэ, - она спала с этим музыкантом, как и со многими другими".
 - До свидания, сударыня!
 - До свидания, господин Мегрэ! Не считите за труд держать меня в курсе дела. Все же это мой муж. Если он кого-нибудь убил, мне лучше знать об этом. Думаю, этого будет достаточно, чтобы получить развод?
 - Я тоже так думаю.
- Он записал адрес отца Жильбера Пигу, спустился и разыскал в маленьком баре Лапуэнта, читавшего свежую газету.
- Ну что, патрон?
 - Жалкая шлюха! Мне редко доводилось встречать столько мерзких типов по одному и тому же делу. Официант, порцию рома!
 - Она ничего не знает такого, что могло бы навести на след?
 - Что ты! Бабенка никогда не интересовалась мужем. Как только появилась возможность, она ушла с работы и, судя по всему, валяется целые дни на диване с сигаретой в зубах, слушая пластинки и рассматривая иллюстрированные журналы. Должно быть, прекрасно осведомлена по части интимной жизни кинозвезд. Когда ее муж исчез, она только слегка поволновалась, а когда узнала от меня, что его подозревают в убийстве, то сразу спросила, будет ли это достаточным поводом к разводу.

- Теперь куда?

- Отвезешь меня на улицу Алезии. Мне надо потолковать с отцом.

- Это ее отец?

- Нет, его. Бывший кассир Лионского кредита. Теперь на пенсии. С сыном не поддерживает отношений с тех пор, как тот женился.

К великому облегчению Мегрэ, в доме на улице Алезии оказался лифт. Не успел комиссар нажать кнопку звонка, как дверь приотворилась:

- Что вам угодно?

- Господин Пигу? Вы позволите войти?

- Уж не хотите ли вы предложить энциклопедию? На прошлой неделе мне предлагали ее четыре раза.

- Я комиссар Мегрэ из Уголовной полиции. В квартире пахло мастикой.

Нигде ни пылинки. Каждая вещь на своем месте.

- Прошу вас, садитесь! - Пигу раздвинул шторы. - Надеюсь, вы не принесли мне дурную весть?

- Насколько мне известно, с вашим сыном ничего не случилось. Я хотел бы только узнать, когда вы видели его в последний раз?

- Ответить нетрудно. Первого января. - На лице у старика мелькнула горькая улыбка. - Я имел несчастье предостеречь его от девицы, на которой он во что бы то ни стало захотел жениться. Увидев ее, я сразу понял, что она ему не пара. Жильбер взъерепенился, обозвал меня старым эгоистом и еще бог знает как. Обычно он навещал меня каждую неделю, а тут сразу прекратил визиты и являлся только на Новый год.

- Вы на него обижены?

- Нет. Он на все смотрит ее глазами.

- Сын никогда не просил у вас денег?

- Вы его не знаете? Для этого он слишком горд.

- Даже в последние месяцы?

- А что с ним случилось?

- В июне он потерял работу. Но и после этого в течение трех месяцев по утрам уходил из дома, а в конце месяца аккуратно вручал жене ту же сумму, что и прежде.

- Значит, нашел другое место.

- Вы считаете это простым делом, если человеку сорок пять лет и он не имеет определенной специальности?

- Может, вы и правы. Но все же где-то он...

- Да. Где-то он доставал эти деньги. Затем в конце сентября Жильбер Пигу исчез.

- Жена больше его не видела?

- Нет. Несколько дней назад его бывший патрон Оскар Шабю был убит прямо на улице. Незнакомый выпустил в него четыре пули.

- И вы думаете, что...

- Я ничего не думаю, господин Пигу. Пока я только веду расследование.

Я пришел в надежде, что вы мне что-нибудь скажете.

- Как видите, я знаю обо всем этом еще меньше, чем вы. Его жена не нашла нужным поставить меня в известность. Вы полагаете, что совесть у него не чиста и он скрывается?

- Возможно. Я почти уверен, что видел его несколько раз за последние дни. У меня также есть все основания думать, что это он звонил мне дважды и прислал анонимное письмо, написанное печатными буквами...

- А вы не сказали ему?

- А что мне было говорить? Если Оскар Шабю убит им, он играет с огнем. Жильбер словно хочет, чтобы его задержали. Такие вещи случаются чаще, чем думают. Он остался без крова, без средств. Он знает, что рано или поздно его задержат, но не испытывает угрызений совести оттого, что убил. Скорее, даже горд, так как Шабю был порядочным негодяем.

- Ничего не понимаю.

- Я буду держать вас в курсе дела, господин Пигу. А вы, со своей стороны, если что-нибудь узнаете, будьте любезны позвонить мне.

- Я вам уже сказал: маловероятно, что он обратится ко мне.

- Благодарю, что уделили мне время.

- Старик что-нибудь знает? - спросил у комиссара Лапуэнт.

- Еще меньше, чем жена. Об исчезновении сына он узнал от меня. Это маленький аккуратный старичок, очень симпатичный, который только и делает, что натирает у себя в квартире полы, чистит мебель, поддерживает идеальный порядок. Телевизора у него, по-моему, нет, транзистора тоже.

Теперь на набережную Орфевр. Пора с этим кончать.

Через час пять сотрудников из бригады Мегрэ собрались в кабинете у комиссара.

Глава VI

- Садитесь, ребята! Не стесняйтесь, закуривайте! - Мегрэ раскурил трубку и задумчиво, одного за другим, оглядел инспекторов. - Итак, в общих чертах дело вам известно. С тех пор, как я занялся расследованием убийства Оскара Шабю, кто-то стал живо интересоваться мной. Человек этот, видимо, не глупый. По крайней мере ему удастся угадывать мои передвижения. Кроме того, он обладает способностью исчезать в толпе, и мне до сих пор не посчастливилось его догнать.

Наступили голубоватые сумерки, но лампы на столах никто не зажигал, совещание проходило в полумраке. В кабинете было очень жарко. Два стула пришлось принести из соседней комнаты.

- У меня нет никаких доказательств виновности этого человека. Пока одни только предположения. Однако своим поведением он всячески старается бросить на себя тень. Сегодня мне удалось выяснить, кто он, а также узнать подробности, которые на первый взгляд могут показаться невероятными. Мелкий служащий, человек, в общем-то забитый, он был бухгалтером у Оскара Шабю. Восемь лет назад женился на продавщице. Жена вскоре бросила работу и всячески попрекала его за то, что он мало зарабатывает. Лурти, запишите ее имя и адрес: Лилиан Пигу, улица Фруадво, пятьдесят семь "а". Это напротив кладбища Монпарнас. Она проводит целые дни, лежа на диване, полуголая, с сигаретой в зубах.

Слушает пластинки и перелистывает иллюстрированные журналы.

Я собрал вас потому, что решил любой ценой его задержать. Возможно, Пигу и вооружен, но не думаю, что он попытается стрелять. Вам, Жанвье, поручается отобрать шесть человек: пусть, сменяя друг друга, дежурят около Уголовной полиции. Этот тип дважды звонил мне с набережной Орфевр, написал довольно длинное письмо, а однажды я видел, как он наблюдал за мной с противоположного тротуара. К сожалению, он изобрел способ исчезать, прежде чем к нему подойдут.

Воздух посинел.

Мегрэ зажег настольную лампу под зеленым абажуром, но верхний свет включать не стал, так что на стенах отчетливо вырисовывались лица присутствующих.

- Теперь запишите его приметы. Рост средний, меньше ста семидесяти сантиметров. Лицо круглое. Темный костюм, поношенный плащ. Курит сигареты. Прихрамывает: несколько лет назад он стал жертвой несчастного случая и с тех пор при ходьбе выбрасывает левую ногу в сторону.

- Волосы темные? - поинтересовался Лурти.

- Да, шатен, глаза тоже темные. Губы мясистые. Похож если уже не на бродягу, то на человека, который, что называется, дошел до ручки.

Принимая во внимание его удивительную способность исчезать, необходимо, чтобы на посту было одновременно двое. Понятно, Жанвье?

- Ясно, комиссар.

Мегрэ повернулся к толстяку Пурти, который неторопливо попыхивал трубкой.

- То, что я сказал Жанвье, относится и к вам. Вы, Жанвье и Торранс не обязаны лично находиться на посту, но должны следить, чтобы ваши люди были всегда на месте и регулярно сменялись.

- Будет сделано, патрон.

- Вам, Торранс, тоже поручается бригада из шести человек. Это крупная игра. Мне бы не хотелось, чтобы он снова выскользнул из рук. Ваш сектор - площадь Вогезов, поблизости от дома Шабю. Госпожа Шабю - красивая дама лет сорока, очень элегантная, одевается у лучших портных. Имеет машину "мерседес" и личного шофера. Если шофер случайно поедет на машине мужа, знайте, что это красный "ягуар" с откидным верхом.

Инспектора поглядывали друг на друга, как школьники в классе.

- Перейдем к Люка. Ты, Люка, перекрываешь набережную Шарантон. Нынче суббота. После обеда ни в конторе, ни на складе никого не будет. Завтра тоже. Охраняется ли здание, не знаю.

- Все ясно, патрон.

- Нужно перекрыть все места, где его появление наиболее вероятно.

Очень близко Пигу никогда не подходит. Похоже, его живо интересует следствие и он всеми средствами пытается выяснить, что происходит сейчас и что произойдет в дальнейшем. Мне иногда думается даже, что подсознательно он не прочь, чтобы его арестовали.

- А мне что делать? - спросил Лапуэнт.

- Ты останешься здесь. Чтобы в любое время приехать за мной. Сюда будет стекаться вся информация, а ты по телефону держи меня в курсе дела.

Инспектора решили, что совещание окончено, и уже собрались встать, но Мегрэ жестом остановил их:

- В этом деле до сих пор кое-что остается неясным. Пигу потерял место в конце июня. Судя по всему, сбережений у него не было, если только он не утаил от жены. Июньское жалованье хозяин удержал, чтобы частично покрыть растрату. Однако тридцатого июня Лилиан, как обычно, получила положенную сумму.

По утрам до самого сентября он уходил из дому и возвращался в обычные часы вечером. Жена и не подозревала, что муж уже не работает на набережной Шарантон. Я полагаю, поначалу он пытался найти работу, но безуспешно.

В сентябре Пигу исчез. С тех пор он, наверное, окончательно опустил и перестал бороться за жизнь. Глядя на него, сразу скажешь, что ему не каждую ночь удается поспать в постели. Однако ежедневно нужно хоть несколько франков на пропитание. В Париже есть место, куда стекаются все опустившиеся люди. Это Большой рынок. Не знаю, куда они денутся через несколько месяцев, когда "Чрево Парижа" переведут в Ренжис.

Зазвонил телефон.

- Алло! Комиссар Мегрэ? Снова звонит человек, который все время добивается личного разговора с вами.

- Соедини нас! - И, обратившись к своим помощникам, Мегрэ пояснил:

- Это он. Я слушаю!

- Вы разговаривали с моей женой. Я это предвидел. Вы оставались у нее довольно долго, пока ваш инспектор ожидал вас в соседнем баре. Лилиан на меня не сердится?

- По-моему, нисколько.

- Она не очень несчастна?

- Несчастной она мне не показалась.

- На что она живет?

- Несколько дней назад она была у Шабю, и он ей дал тысячу франков.

По другую сторону телефона провода послышался неприязненный смешок.

- А что вам сказал мой отец?

Это было поразительно. Он знал почти все, что делал Мегрэ, не имея при этом ни машины, ни денег на такси. Невзирая на больную ногу, Пигу бродил по улицам Парижа, оставаясь незамеченным, и, словно по волшебству, мгновенно исчезал, как только его узнавали.

- Ничего существенного он мне не сказал. Я только понял, что он не очень-то любит вашу жену.

- Вы хотите сказать: ненавидит. Из-за этого мы и поссорились. Мне пришлось выбирать между отцом и Лилиан.

Было очевидно, что он поставил не на ту лошадь.

- Почему бы вам не прийти ко мне, на набережную Орфевр? Здесь мы сможем спокойно поговорить с глазу на глаз. Если вы не убивали Шабю, то уйдете отсюда так же спокойно, как и войдете. В противном случае хороший адвокат добьется для вас минимального наказания, а может быть, и сумеет вас оправдать. Алло! Алло!

Жильбер Пигу повесил трубку.

- Вы слышали что-нибудь подобное? Он уже знает, что я был у его жены и разговаривал с отцом.

Это начинало походило на игру, в которой пока что перевес оставался за бухгалтером.

- Значит, на чем я остановился? - продолжал Мегрэ. - Ах, да, на центральном рынке. Это место, где легче всего найти опустившегося человека. Пусть каждую ночь, начиная с сегодняшней, дюжина наших парней тщательно прочесывает этот сектор. Они могут обратиться за помощью в полицию округа, которая лучше знает район.

Неужели все эти меры окажутся бесполезными? Маловероятно, что Пигу даст легко себя взять. Может быть, он и сейчас стоит на противоположном тротуаре, глядя на освещенные окна кабинета Мегрэ?

- Вот и все, ребята. - Но когда инспектора поднялись с мест и направились к двери, Мегрэ добавил:

- Еще один важный совет. Ни у кого из наших людей не должно быть оружия. Что бы ни случилось, я не хочу, чтобы в него стреляли.

- А если он выстрелит первым? - проворчал толстяк Лурти.

- Я сказал: "Что бы ни случилось". К тому же он стрелять не будет. Я должен получить его целым и невредимым.

Часы показывали половину шестого. Мегрэ сделал все, что было в его силах. Теперь оставалось только ждать. Мегрэ устал, да и грипп по-прежнему мучил его.

- Ты, Лапуэнт, останься-ка на минутку. Что скажешь насчет моего плана?

- Возможно, он и удастся, - неуверенно сказал Лапуэнт. - А если говорить честно, либо мы его схватим случайно, либо он будет ускользать из наших рук до тех пор, пока сам не захочет сдаться.

- Я тоже склонен так думать. Но моя обязанность принять меры. А теперь отвези меня домой. Мне не терпится влезть в домашние туфли и погреться у камина, а еще лучше - забраться в постель.

Усевшись в машину, Мегрэ внимательно осмотрелся вокруг, но того, кто так его занимал, не заметил.

- Остановись на минутку у пивной "Дофин"! - Во рту был неприятный привкус, и комиссару захотелось до возвращения домой выпить кружку свежего пива. - А ты что будешь пить?

- Тоже пиво. У вас в кабинете очень жарко.

Мегрэ жадно опорожнил две кружки, утер губы, снова раскурил трубку, и они тронулись в путь. По случаю рождества дворец Шатле сверкал огнями.

Через всю улицу висели гирлянды. В каком-то универсальном магазине радио передавало подобающую музыку.

Подъехав к дому, Мегрэ посмотрел по сторонам в надежде увидеть Пигу, но ничего похожего не обнаружил.

- Спокойной ночи, малыш!

- Поправляйтесь, патрон!

Комиссар стал медленно подниматься по лестнице и, запыхавшись, добрался наконец до площадки, где его уже ждала госпожа Мегрэ. Взглянув на мужа, она сразу поняла, что чувствует он себя не лучше и настроение у него неважное.

- Входи скорее, не то простынешь.

Напротив, Мегрэ было жарко, он весь вспотел. Сняв тяжелое пальто, шарф, развязав галстук, комиссар со вздохом облегчения опустился в кресло.

- У меня начинает болеть горло, - как ребенок, пожаловался он.

Жена не воспринимала его болезнь трагически. Почти ежегодно он неделю-другую болел гриппом. А комиссар всякий раз об этом забывал и всегда пугался, чувствуя себя слабым и неработоспособным. - Мне никто не звонил?

- Ты ожидаешь звонка?

- И да, и нет. Этот человек только что звонил на набережную Орфевр и, должно быть, знает наш адрес. Он очень возбужден, и ему, кажется, не терпится вступить со мной в непосредственный контакт.

Комиссару вспомнились старые дела, в частности, случай, когда убийца с месяц ежедневно писал ему большие письма, всякий раз из новой пивной, не срезая грифов с почтовой бумаги. Чтобы поймать его, пришлось бы установить наблюдение за всеми пивными и кафе Парижа, на что в полиции не хватило бы людей.

Однажды утром, приехав на набережную Орфевр, Мегрэ увидел в приемной, прозванной аквариумом, человека средних лет, который терпеливо дожидался его.

Это и был тот, кого так тщательно разыскивали.

- Что у нас на ужин?

- Жареный скат. Для тебя это не тяжело?

- У меня ведь не живот болит.

- Не вызвать ли мне Пардона?
- К чему? Оставь беднягу в покое. С него хватает больных и посерьезнее.
- Не подать ли тебе обед в постель?
- Чтобы через час вся постель взмокла?

Переодеться в пижаму, халат и комнатные туфли - вот и все, на что он согласился. Попробовал читать газету, но никак не мог сосредоточиться.

Мысли все время возвращались к Пигу, маленькому бухгалтеру, ставшему вором из-за попреков жены.

Где он сейчас? Есть ли у него хоть немного денег? Где и каким образом он их раздобыл?

Затем мысли комиссара перескочили на Шабю, высокомерного, презирующего всех и вся, испытывающего потребность внушать к себе неприязнь. Он нагло преуспевал, но от этого не становился менее уязвимым. Он был все таким же, как в те далекие времена, когда ему приходилось бегать от двери к двери в надежде получить заказ на ящик вина.

Мегрэ знал много подобных людей, срывающих зло на тех, кто от них зависел.

- Обед на столе!

Есть не хотелось, но Мегрэ все-таки пообедал. Глотать ему было трудновато. Неужели завтра у него сдаст голос?

Люди на набережной Орфевр уже, вероятно, стоят на постах, которые он указал. На совещании следовало, конечно, добавить: "Поставьте еще двоих напротив моего дома, на бульваре Ришар-Ленуар".

Помешал ложный стыд. Ребята могли подумать, что он боится. Мегрэ встал из-за стола и подошел к окну. Дождя не было, но дул довольно сильный восточный ветер, после которого обычно наступает похолодание.

Двое влюбленных шли под руку, останавливаясь через каждые десять шагов, чтобы поцеловаться.

Полицейские с пелеринами на плечах спокойно объезжали на велосипедах свой участок. На противоположной стороне бульвара большинство окон было освещено, и за каждой занавеской можно было различить силуэты людей, иногда целую семью, сидящую за столом.

- Телевизор смотреть будешь?

- Нет.

Мегрэ ничего не хотелось, он только ворчал под нос, как делал это всегда во время гриппа, когда было не по себе или когда расследование затягивалось.

Он отказался лечь раньше обычного и снова стал просматривать газету.

Через полчаса он опять подошел к окну, ища глазами человека, которого ему так хотелось увидеть.

На тротуаре не было ни души. Только одинокое такси проехало вниз по бульвару.

- Думаешь, он опять придет?

- Кто его знает...

- У тебя такой вид, словно ты чего-то ждешь.

- Я всегда чего-нибудь ожидаю. Например, звонка Лапуэнта.

- Он дежурит?

- До утра. К нему стекаются все сведения, - Думаешь, этот человек начинает терять самообладание?

- Напротив, он сохраняет удивительное хладнокровие. Должно быть, не отдает себе отчета, в каком положении находится. Всю жизнь его унижали.

Долгие годы ему приходилось склонять голову, а тут он вдруг почувствовал себя в какой-то степени самостоятельным. Вся полиция поставлена на ноги, охотится за ним и никак не может поймать. Это начинает походить на триумф. Он становится значительной фигурой.

- И станет еще значительнее, когда предстанет перед судом присяжных.

- Вот потому-то он и колеблется, не зная, как поступить - сдаться или продолжать играть с нами в кошки-мышки.

Мегрэ снова взялся за газету. Трубка не доставляла ему удовольствия, но он все же продолжал курить. Так сказать, из принципа. Он тоже не хотел сдаваться, не хотел поддаться гриппу, хотя веки у него покраснели и в висках ломило.

В половине шестого Мегрэ еще раз подошел к окну. На противоположном тротуаре стоял тот самый человек. Подняв голову, он не спускал глаз с квартиры комиссара...

Госпожа Мегрэ, сидевшая у стола, раскрыла рот, собираясь задать вопрос. Взгляд ее упал на широкую спину мужа, которая от неподвижности и напряжения казалась еще шире. В этой внезапной неподвижности было что-то таинственное, даже торжественное.

Мегрэ смотрел на незнакомца, не решаясь шелхнуться, словно боялся его спугнуть, а тот, в свою очередь, смотрел на комиссара. Сквозь муслиновые занавески он мог видеть только силуэт.

Однажды в Мен-Сюр-Луар, когда комиссар отдыхал, растянувшись в шезлонге, он вдруг заметил в глубине сада спустившуюся с платана белку.

Испуганный зверек замер, и Мегрэ почти мог поручиться, что видит, как под шелковистой шкуркой на груди бьется сердце. Потом белка осторожно продвинулась на несколько сантиметров и снова замерла.

Мегрэ едва осмеливался дышать, а маленькое рыжее животное, словно заколдованное, внимательно смотрело на человека, но все тело его оставалось напряженным, готовым к прыжку.

Этот эпизод припомнился Мегрэ, пока он внимательно разглядывал фигуру человека, стоявшего на противоположном тротуаре. Жильбер Пигу тоже был словно зачарован комиссаром, которого до этого, можно сказать, преследовал. Но, подобно белке, он готов был броситься наутек при малейшей тревоге. Одеваться и спускаться вниз было бесполезно. Все равно Мегрэ никого на тротуаре не нашел бы. Звонок по телефону на ближайший полицейский пост тоже ничего бы не дал.

Не подмывает ли маленького бухгалтера пересечь бульвар и войти в дом?

Возможно. Ведь у него не только не было друга, но даже человека, которому бы он мог довериться.

Он выполнил то, что задумал: убил Оскара Шабю. Затем пустился бежать.

Отчего? Конечно, подчиняясь рефлексу. Что он теперь собирался делать?

Продолжать игру с полицией?

Это длилось, должно быть, минут десять. Потом Жильбер приблизился на несколько шагов, но почти тотчас же, оглянувшись на комиссара еще раз, торопливо заковылял в сторону улицы Шмен-Вер.

Грузное тело комиссара сразу обмякло. Он постоял еще у окна, словно для того, чтобы обрести самообладание, потом направился к буфету за трубкой.

- Это был он?

- Да.

- Думаешь, он хочет к тебе прийти?

- Конечно. Он испытывает сильное искушение это сделать, но боится дать маху. Такие люди всегда очень подозрительны. Ему не терпится, чтобы его кто-нибудь выслушал и понял, но в то же время он убеждает себя, что это невозможно.

- Что же он сейчас будет делать?

- Пойдет куда глаза глядят, один, со своими мыслями, быть может, вполголоса разговаривая сам с собою.

Только Мегрэ уселся в кресло, как зазвонил телефон. Комиссар снял трубку.

- Слушаю!

- Это вы, шеф?

- Да, малыш. - Он узнал голос Лапуэнта.

- Благодаря людям из первого округа, особенно инспектору Лебефу, который знает "Чрево Парижа", как свою собственную квартиру, кое-что удалось разведать. Так вот, известно, что Пигу все время снимал комнату, если дыру можно назвать комнатой, на улице Гранд-Трюандери, но две недели назад съехал.

Мегрэ знал эту улицу, ночью напоминавшую времена Двора Чудес <Двор Чудес - кварталы в средневековом Париже, где селились деклассированные элементы. - Прим. переводчика.>. Здесь можно было встретить только отбросы общества. Набившись в вонючие бистро, они проводили время за рюмкой красного вина или за чашкой бульона. Некоторые торчали там целые ночи, сидя на стуле или прислонившись к стене. Женщин среди них было не меньше, чем мужчин, и не менее пьяных, не менее грязных.

Это было настоящее отребье человеческое, еще страшнее тех, что живут под мостами. Женщины, пожилые и расплывшиеся, маячили на улицах с выщербленной мостовой, поджидая клиентов у дверей гостиниц.

- Пигу занимал комнату в гостинице "Лебедь". Три франка в день за железную койку с соломенным тюфяком. Водопровода там нет, уборная во дворе.

- Знаю.

- По ночам ходил разгружать грузовики с фруктами и овощами.

Возвращался только на рассвете и часть дня проводил в постели.

- Когда он покинул гостиницу?

- Хозяин сказал, что не видел Пигу уже две недели. Его комнату тут же занял кто-то другой.

- Поиски в квартале продолжаются?

- Да. В бригаде пятнадцать человек, и они разделили между собой обязанности. Инспектора первого округа удивляются, почему мы не устроим облаву.

- Только не это. Ты им объяснил, что нужно действовать потише?

- Да, патрон.

- А от других ребят еще нет новостей?

- Пока ничего нет.

- Несколько минут назад Пигу был здесь, на бульваре Ришар-Ленуар.

- Вы его видели?

- Да. Из окна. Он стоял напротив, на другой стороне бульвара.

- Поймать его не пытались?

- Нет.

- И он ушел?

- Да. Пожалуй, еще вернется. А может быть, в последний момент у него не хватит решимости и он снова сбежит.

- Каких-нибудь распоряжений не будет?

- Нет. Спокойной ночи, малыш! Мегрэ чувствовал себя отяжелевшим и, прежде чем снова усесться в кресло, налил себе рюмочку сливянки.

- А ты не думаешь, что от этого тебя бросит в жар?

- Многие пьют от гриппа водку. Правда, это лечение не в стиле доктора Пардона.

- Давненько что-то мы не приглашали их на обед. Вот уже больше месяца, как мы не виделись.

- Дай мне покончить с этим делом. У Лапуэнта есть новости. Стало известно, что Пигу провел последние месяцы в одной трущобе близ "Чрева Парижа", которая именуется гостиницей "Лебедь".

- Он съехал оттуда?

- Да, две недели назад.

Мегрэ отказывался лечь раньше времени, а время ложиться начиналось для него с десяти вечера. Он поглядывал на стенные часы, а потом попытался все же почитать газету. Однако, пробежав несколько строк, так и не понял, о чем в них говорится.

- Ты падаешь от усталости.

- Через десять минут лягу спать.

- Измерь температуру.

- Если ты настаиваешь...

Госпожа Мегрэ принесла градусник, и он послушно держал его во рту пять минут.

- Тридцать восемь! Если к утру не спадет, я позвоню Пардону, хочешь ты этого или не хочешь.

- Завтра воскресенье.

- Ничего. Пардон приедет.

Госпожа Мегрэ уже переодевалась у себя на ночь, и они переговаривались из разных комнат.

- Не люблю, когда у тебя воспаляется горло. Сейчас я его смажу.

- Ты ведь знаешь, что меня от этого может вырвать.

- Пустяки, даже не почувствуешь. То же самое ты говорил и в прошлый раз, а все обошлось хорошо.

Это была клейкая синяя жидкость, которую смазывали горло с помощью кисточки. Медикамент давно уже вышел из моды, но госпожа Мегрэ неукоснительно продолжала им пользоваться уже более двадцати лет.

- Открой-ка пошире рот.

Перед тем как задернуть шторы, Мегрэ не удержался и снова посмотрел в окно.

На тротуаре напротив никого не было. Ветер все усиливался, поднимая пыль с центральной части бульвара.

Он спал глубоким, тяжелым сном и не сразу выплыл на поверхность яви.

Кто-то настойчиво тряс его за плечо, и первым побуждением комиссара было отодвинуться. Чья-то рука словно звала его; и, оттолкнув эту руку, Мегрэ сделал вид, что собирается перевернуться на другой бок.

- Мегрэ...

Голос жены едва был различим.

- Он здесь, на площадке. Позвонить не решился, только несколько раз тихонько постучал. Ты меня слышишь?

- Что? - Комиссар потянулся, чтобы зажечь ночник, и с удивлением посмотрел вокруг. Что ему снилось минуту назад? Он уже забыл, но осталось ощущение, будто он вернулся из другого мира.

- Что ты сказала?

- Он здесь. Осторожно постучался в дверь. Комиссар встал и нашел лежавший на кресле халат.

- Который час?

- Половина третьего.

Мегрэ взял трубку, которую погасил перед сном, и снова раскурил.

- Ты не боишься, что...

Он на ходу повернул выключатель, вышел в прихожую, несколько секунд постоял неподвижно и наконец открыл дверь.

Лестница была уже давно погружена во мрак, и свет из квартиры внезапно вырвал из мрака человека на площадке. Он пытался что-то сказать. Должно быть, приготовил целую речь, но, увидя в нескольких шагах от себя Мегрэ, растрепанного, в халате, настолько растерялся, что лишь пробормотал:

- Я вас побеспокоил, не так ли?

- Входите, Пигу!

У него еще была возможность броситься к лестнице и удрать. Он моложе и проворнее комиссара. Сейчас он переступит порог, и тогда пиши пропало.

Мегрэ замер, как при встрече с белкой.

Колебание длилось всего несколько секунд, но они показались необыкновенно долгими. Человек шагнул вперед. Сначала Мегрэ пришлось в голову, что нужно запереть дверь и положить ключ в карман, но тут же передумал.

- Вы, наверное, продрогли?

- Ночь далеко не теплая, и очень ветрено.

- Садитесь! Когда обогреетесь, снимите свой плащ, - сказал Мегрэ и крикнул жене, которая уже одевалась:

- Приготовь нам, пожалуйста, грог!

Затем, расслабившись, опустился на стул напротив своего гостя.

Наконец-то он увидел его вблизи! Редко кто возбуждал в нем такое любопытство.

Больше всего поражала молодость Пигу. Его круглое, даже толстошеекое лицо таило в себе что-то детское, наивное.

- Сколько вам лет?

- Сорок пять.

- На вид вам столько не дашь.

- Это для меня вы заказали грог?

- Для вас и для себя. Я нездоров. У меня грипп, может быть, ангина, и грог будет кстати.

- Обычно я не пью. Только стаканчик вина за едой. Простите, что я такой грязный. Я уже давно не имел возможности почистить одежду. А горячей водой мылся в последний раз неделю назад в банях на улице Сен-Мартен.

Внимательно изучая друг друга, они с трудом подбирали слова.

- Я ждал вас с минуты на минуту.

- Вы меня видели?

- Да. Я даже чувствовал, что вы колеблетесь. Вы уже сделали шаг вперед, но тут же удалились в сторону улицы Шмен-Вер.

- И я видел вас в окне. Но я стоял в тени, и мне даже в голову не приходило, что вы тоже меня видите и даже узнали.

Услышав шум, Пигу вздрогнул, совсем как белка. Это госпожа Мегрэ принесла грог, из скромности стараясь не глядеть на посетителя.

- Сахару побольше?

- Пожалуйста.

- Положить лимон? - Приготовив грог, она поставила стакан перед гостем, потом перед мужем.
- Если что-нибудь понадобится, позовите меня!

- Ладно. Может быть, мы попросим еще грогу.

Чувствовалось, что Пигу - человек воспитанный и старается вести себя прилично. Взял стакан и выжидал, пока комиссар пригубит первым.

- Очень горячо, но полезно, верно?

- Во всяком случае, грог вас согреет. А теперь снимайте плащ.

Пигу так и сделал. Костюм его был неплохо сшит, но оказался в пятнах и белой краске.

Теперь они не знали, о чем говорить. И тот и другой прекрасно понимали, что настало время коснуться вещей весьма серьезных, поэтому выжидали, хотя и по разным причинам. Молчание длилось довольно долго.

Оба опять глотнули грога. Мегрэ встал и набил себе вторую трубку.

- Курите? - осведомился наконец он.

- У меня кончились сигареты.

Комиссар достал пачку из буфета и протянул ее гостю. Тот был смущен и не отрывал глаз от Мегрэ, подносившего спичку. Они снова сели, и Пигу заговорил:

- Прежде всего я должен извиниться, что побеспокоил вас дома, да еще среди ночи. Но я очень боялся явиться на набережную Орфевр, а бродить в одиночестве по улицам Парижа стало невмоготу.

Выражение лица Мегрэ не изменилось. В уютной домашней обстановке, со стаканом грога в руке и трубкой в зубах, он походил на доброжелательного старшего брата, которому можно все рассказать.

Глава VII

- Что вы обо мне думаете? - произнес Пигу первые серьезные слова.

Чувствовалось, что для маленького бухгалтера вопрос этот чрезвычайно важен. Должно быть, он всю жизнь искал ответа на него в глазах людей.

Что можно было сказать?

- Видите ли, Пигу, я вас еще недостаточно знаю, - буркнул Мегрэ, улыбаясь.

- Вы так добры со всеми преступниками?

- Далеко не со всеми. Я бываю и очень злым.

- С какими людьми, например?

- С людьми типа Оскара Шабю. Глаза Пигу разом просветлели, словно он обрел союзника.

- Знаете, я ведь действительно украл у него немного денег. Совсем немного. Меньше, чем он тратит в месяц на чаевые. Но настоящим вором был сам Шабю. Он украл у меня чувство собственного достоинства, мою человеческую гордость. Он унизил меня настолько, что я почти стыдился того, что существую.

- Как вам пришла в голову мысль взять деньги из кассы?

- Я должен говорить все?

- Иначе не стоило сюда приходить.

- Вы видели мою жену? Что вы можете о ней сказать?

- Я видел ее совсем недолго, но у меня сложилось впечатление, что она вышла замуж, чтобы бросить службу, и я даже удивлен, что она проработала еще три года.

- Два с половиной.

- Она из тех женщин, которые мечтают проводить дни дома в безделье.

- Вы это заметили?

- Это более чем очевидно.

- Часто по вечерам, когда я возвращался из конторы, мне приходилось браться за хозяйство. Если бы я ее слушал, мы каждый вечер ходили бы в ресторан, чтобы избавиться от домашних забот. Я думаю, она не виновата.

Просто у нее очень слабое здоровье. Такие же у нее и сестры.

- Они живут в Париже?

- Одна в Алжире, замужем за инженером-нефтяником. Другая живет в Марселе, имеет троих детей.

- А почему у вас не было детей?

- Я хотел, но Лилиан категорически отказывалась.

- Понимаю.

- У нее есть еще третья сестра и брат... - Пигу покачал головой и продолжал:

- Но к чему все это? Вы еще подумаете, что я пытаюсь умалить свою вину. - Пигу отпил глоток прога и закурил новую сигарету. - Я вас задерживаю и в такой час...

- Продолжайте! И так, ваша жена тоже вас унижала.

- Откуда вы знаете?

- Она попрекала вас малыми заработками, не так ли?

- Да. Она постоянно твердила, что никак не может понять, как ее угораздило выйти за меня замуж. И при этом вздыхала: "Провести всю жизнь в двухкомнатной квартирке, даже без прислуги!"

Казалось, Пигу говорил все это для самого себя и смотрел не на Мегрэ, а куда-то в сторону.

- Она вам изменяла?

- Да. С самого начала замужества, но я узнал об этом только два-три года спустя. Однажды, когда мне пришлось уйти днем со службы к зубному врачу, я увидел ее на бульваре Мадлен под руку с каким-то мужчиной. Они вошли в соседний отель.

- Вы ей об этом сказали?

- Да. Но она сразу накинулась на меня с упреками. Оказывается, я не могу создать ей такую жизнь, которая подобает молодой женщине. Вечером, вернувшись с работы, я только и мечтаю завалиться спать, и ей силком приходится вытягивать меня в кино... И все в таком роде. Не говоря уже о том, что я не устраиваю ее как мужчина. - Последние слова бросили Пигу в краску. Видимо, это признание было для него самым тягостным. - Однажды, три года назад, в день ее рождения, я взял из кассы ровно столько, чтобы хватило на хороший обед, и повел ее в ресторан на Больших бульварах.

"Мне кажется, я скоро получу прибавку", - сказал я Лилиан. - "Давно пора."

Как твоему хозяину не стыдно платить тебе так мало. Если бы я его увидела, я бы нашла, что сказать".

- Вы брали только мелкими суммами?

- Да. Сначала я объявил жене, что мне прибавили пятьдесят франков.

Она не замедлила назвать сумму смехотворной, и я увеличил ее до ста.

- Вы не боялись, что попадетесь?

- Это вошло в привычку. Мои счетные книги никто не проверял, и по сравнению с суммами, находящимися в обороте, это было сущей безделицей.

- Но однажды вы взяли из кассы пятьсот франков.

- Совершенно верно. На Рождество. Дома я сказал, что получил наградные. Кончилось тем, что я сам поверил в свою ложь. Это возвышало меня в собственных глазах. Видите ли, я никогда не строил грандиозных планов насчет своей карьеры. Отцу, конечно, хотелось, чтобы я поступил на работу в Лионский кредит, но я боялся общения с людьми не моего уровня. На набережной Шарантон, в своем углу, я чувствовал себя так спокойно! Практически никто мною не интересовался.

- Как Шабю удалось обнаружить ваши хищения?

- Раскрыл их не он, а господин Лусек, который иногда просматривал мои счета. На этот раз что-то показалось ему подозрительным. Ничего не спросив, он сделал вид, что все в порядке, но тут же поставил в известность хозяина.

- Это было в июне?

- Да, в конце июня. Точнее, двадцать восьмого числа. Этой даты я никогда не забуду. Хозяин вызвал меня к себе в кабинет. Тут же сидела и его личная секретарша. Я ничего не подозревал. Мне и в голову не могло прийти, что растрата обнаружена.

- Он велел вам сесть?

- Да. Откуда вы знаете?

- Кузнечик, я хочу сказать Анна-Мари, описала мне всю сцену. По ее словам, она была смущена не меньше вашего.

- Мне было ужасно неловко, что меня так оскорбляют в присутствии женщины. В душе я предпочел бы попасть в руки полиции. Можно было подумать, что это доставляет ему удовольствие. Всякий раз, когда мне казалось, что Шабю наконец закончил, он начинал с новой силой. Знаете, за что он меня больше всего упрекал? За то, что я брал из кассы мелкими суммами. По его словам, он мог бы проникнуться уважением к крупному вору, но испытывает гадливое чувство к мелкому жулику.

Маленький бухгалтер говорил, волнуясь, и на минуту даже остановился, чтобы перевести дыхание. Лицо его побагровело. Он выпил еще глоток, и Мегрэ последовал его примеру.

- Когда он приказал мне подойти поближе, я даже представить не мог, что сейчас произойдет. Он залепил мне звонкую пощечину, и долгое время у меня на щеке оставались следы его пальцев. Я в жизни не получал пощечины. Даже в детстве меня не били. Я настолько оторопел, что едва удержался на ногах, а Шабю добавил: "Теперь убирайтесь прочь!" Не помню, тогда же или раньше он сказал, что рекомендации не даст и уверен, мне не найти приличного места.

- Он тоже был унижен, - вполголоса проговорил Мегрэ.

Жильбер Пигу резко повернулся к Мегрэ, открыв рот от изумления.

- Он же вам сказал, что над ним никто безнаказанно не смеется.

- Вы правы. Я не понял, что это было основной причиной издевательств с его стороны. Вы думаете, он был задет?

- Больше чем задет. Человек он был сильный, по крайней мере считал себя таковым. В жизни ему давалось все, что он задумывал. Не забывайте, он начинал карьеру агентом по продаже вина, ему приходилось бегать от двери к двери в надежде получить заказ. Для него вы просто не существовали. Вы прозябали в своей комнатке на первом этаже, куда он почти никогда не заглядывал, и держал он вас как бы из милости.

- Это на него похоже.

- Он тоже постоянно нуждался в самоутверждении. Поэтому он не пропускал ни одной женщины.

- Вы хотите сказать, что он заслуживает жалости? - нахмурился встревоженный Жильбер Пигу.

- Ее в большей или меньшей степени заслуживает любой из нас. Я пытаюсь понять.

Устанавливать долю ответственности каждого не мое дело.

Итак, вы покинули набережную Шарантон. Куда вы прежде всего направились?

- Было одиннадцать утра. Очень парило. Я укрылся в тени платанов.

Потом зашел в бистро близ Аустерлицкого моста. Выпил две-три рюмки коньяку.

- А завтракали вместе с женой?

- Нет. Она давно уже перестала за мной заходить. Я где-то бродил, много пил, потом вдруг оказался в кино. Там было прохладнее, чем на улице. Помните, июнь был очень знойным?

Казалось, Пигу старался не упустить ни малейшей детали. Ему необходимо было выговориться, и раз уж такая возможность представилась, тем более что слушали его с явным интересом, он и выкладывал все.

- А вечером, когда вернулись домой, жена заметила, что вы много пили?

- Я сказал, что получил повышение, что переведен в контору на авеню Опера, и по этому случаю сослуживцы угостили меня аперитивом.

Мегрэ не улыбнулся, услышав это наивное признание, напротив, лицо его стало еще серьезней.

- Каким образом вы сумели через два дня вручить жене деньги? Ведь Шабю не уплатил вам за июнь?

- У меня не было сбережений. Ежемесячно я получал от жены сорок франков на сигареты и метро. Нужно было что-то придумать. Эта мысль мучила меня почти всю ночь. К утру я решился на следующий шаг. Уходя из дому, я предупредил, что к ужину не вернусь: часть вечера займет устройство в новом кабинете. Дело в том, что, уходя из конторы Шабю, я забыл вернуть ключ от сейфа. А там должна была находиться порядочная сумма, побольше, чем обычно: завтра предстояла получка.

За годы службы у Шабю мне приходилось возвращаться в контору по вечерам, когда бывала сверхурочная работа. Ключ от входной двери я тоже унес.

Сперва я о нем забыл, обошел здание, припомнив, что задняя, почти незаметная дверь плохо запирается и можно легко открыть язычок замка простым перочинным ножом.

- Ночного сторожа там нет?

- Нет. Я дождался темноты и проскользнул во двор. Задняя дверь, как я и предполагал, открылась без труда, и я пробрался в свою прежнюю комнату. Взял в сейфе, не считая, пачку денег.

- Сумма оказалась крупная?

- Побольше моего трехмесячного заработка. Я спрятал деньги дома на шкафу, а потом вручил Лилиан сумму, равную месячному жалованью. Я не решился сказать жене, что меня выгнали со службы.

- Почему вас так беспокоило, что она об этом подумает?

- Она была в какой-то степени свидетелем. Все эти годы следила за моей жизнью, следила критическим взглядом. А мне так хотелось, чтобы хоть один человек верил в меня! Теперь я стал проводить дни на улицах в поисках нового места. Мне казалось, найти его будет нетрудно. Я регулярно читал объявления и ходил по указанным адресам. Мне задавали вопросы. Прежде всего интересовались возрастом. Когда я отвечал, что мне сорок пять, дальше этого разговор обычно не шел: "Мы ищем молодого человека, максимум тридцати лет..." До сих пор я считал себя молодым, чувствовал себя полным сил. С каждым днем я все больше мрачнел. Через две недели я уже не искал обязательно место бухгалтера, я довольствовался бы и должностью рассыльного в бюро или продавца в универмаге... В лучшем случае записывали мою фамилию и адрес: "Вам сообщат письменно". Там, где меня уже собирались взять на работу, - такое бывало - неукоснительно спрашивали, где я служил прежде. Памятуя угрозу Шабю, я не решался им сказать правду. "Везде понемногу. Я долго был за границей". Тогда приходилось уточнять, где: в Бельгии или в Швейцарии. Я ведь не знаю никакого языка, кроме французского. - У вас есть рекомендации?" - "Есть. Я их представлю". Само собой разумеется, там я больше не появлялся. Конец июня - время трудное. Многие конторы закрыты, хозяева уезжают отдыхать. Я еще раз принес жалованье жене. Вернее, взял нужную сумму из моих резервов на шкафу... "Последнее время ты стал каким-то странным, - сказала мне Лилиан. - Ты, мне кажется, устаешь здесь больше, чем на набережной Шарантон"... "Я еще не привык к новой работе, мне необходимо приспособиться к вычислительной машине. На авеню Опера осуществляется контроль над всеми торговыми точками, а их свыше пятнадцати тысяч. Это накладывает на меня серьезную ответственность"...

"Когда у тебя отпуск?"... "В этом году ничего не получится: не будет времени. Разве только на Рождество? Хотелось бы хоть разок отдохнуть зимой. Ты можешь ехать без меня. Почему бы тебе не провести недельки три, а то и месяц у родных?" И она уехала на месяц. Две недели провела у родителей в Экс-ан-Прованс, где ее отец работает архитектором, потом еще две недели в Бандоле, на вилле, которую летом снимает ее сестра, та, что с тремя детьми. Я почувствовал себя совсем одиноким в Париже. Продолжал читать объявления на улице Реомюр и ходил по указанным адресам. Но, как и прежде, безуспешно. Только теперь до меня дошло, что Шабю был прав - никакого места я не найду. Я стал бродить возле его дома на площади Вогезов, так, без всякой цели, просто, чтобы его увидеть, но оказалось, что он уехал. Наверняка в Канны. Там у них квартира.

- Вы его ненавидели?

- Да, всеми фибрами души. Мне казалось несправедливым, что он загорает на солнышке, а я тщетно пытаюсь найти работу в опустевшем Париже. Денег у меня оставалось немного больше той суммы, которую нужно было вручить в конце месяца жене. А потом? Что мне делать потом?

Признаться, сказать правду? Я был убежден, что тогда она меня бросит.

Лилиан не из тех женщин, что остаются с мужьями и в беде.

- Вы к ней питали еще какие-то чувства?

- Думаю, что да. Не знаю.

- А теперь?

- Мне кажется, теперь она стала для меня совсем чужой. Я даже удивлен, что меня когда-то интересовало ее мнение.

- Когда вы видели ее в последний раз?

- Еще двадцать дней после ее возвращения мы жили вместе. Я прекрасно сознавал, что в конце месяца необходимой суммы у меня не окажется.

Однажды утром я ушел с мыслью не возвращаться больше домой. Я ничего с собой не взял, кроме нескольких сот франков, которые у меня оставались.

- Вы сразу же отправились на улицу Гранд-Трюандери?

- Вы и это знаете? Нет. Сначала я снял комнату в дешевой, но приличной гостинице возле площади Бастилии. Там я не рисковал встретить жену.

- Тогда-то вы и стали следить за Оскаром Шабю?

- Теперь я всегда знал, где он находится в тот или иной час, и бродил по авеню Опера, то по площади Вогезов, то по набережной Шарантон. Я был также осведомлен, что почти каждую среду он приезжает со своей секретаршей в дом свиданий на улице Фортюни.

- Что вы задумали?

- Ничего я не задумал. Просто он меня интересовал как человек, сыгравший самую большую роль в моей жизни. Это он отнял у меня мое достоинство, всякую возможность снова стать человеком.

- Вы были вооружены?

Пигу вынул из кармана маленький вороненый пистолет, поднялся и положил его на круглый столик, напротив Мегрэ.

- Я взял его с собой из дома на тот случай, если решу покончить с собой.

- У вас было искушение это сделать?

- Много раз, особенно по вечерам. Но я всякий раз пугался. Я всегда боялся выстрелов, физической боли. Шабю, вероятно, был прав, я трус.

- Мне придется на минутку вас прервать, чтобы позвонить по телефону, сказал Мегрэ. - Сейчас вы поймете, почему. - Он вызвал набережную Орфевр.Мадемуазель, пожалуйста, инспектора Лапуэнта!

Пигу пытался что-то сказать, но тут же смолк.

А на кухне мадам Мегрэ готовила новую порцию грога.

Глава VIII

- Ты, Лапуэнт?

- Вы все еще на ногах, патрон? Голос у вас не сонный. Пока никаких сообщений.

- Знаю.

- Откуда? Ведь вы из дому...

- Да.

- Сейчас три часа утра.

- Можешь отозвать людей. Розыск прекращен.

- Его удалось найти?

- Он здесь, у меня, и мы спокойно беседуем.

- Сам пришел?

- Не стану же я бегать за ним по бульвару Ришар-Ленуар.

- И как он?

- Ничего.

- Я вам нужен?

- Пока нет. Но оставайся на месте. Сними патрули, поставь в известность Жанвье, Люка, Торранса и Лурти. Я еще позвоню попозже.

Мегрэ повесил трубку и молча подождал, пока мадам Мегрэ снова наполнит стаканы.

- Я забыл вам сказать, Пигу, что хоть мы и находимся у меня на квартире, а не на набережной Орфевр, я и здесь остаюсь должностным лицом и сохраняю право использовать все, что вы найдете нужным сообщить мне.

- Естественно.

- Знаете ли вы какого-нибудь хорошего адвоката?

- Ни единого - ни хорошего, ни плохого.

- Но адвокат вам понадобится завтра же, когда вы начнете давать показания судебному следователю. Я назову вам несколько фамилий.

- Благодарю.

После звонка Лапуэнту Мегрэ и Пигу чувствовали себя несколько натянуто. Чтобы разрядить атмосферу, комиссар поднял стакан:

- Ваше здоровье!

- Ваше!.. - Пигу слабо улыбнулся:

- Не скоро смогу я снова выпить стакан грога. Мне влепят на полную катушку, правда?

- Почему вы так решили?

- Да прежде всего потому, что Шабю был очень богат и влиятелен. К тому же, я решительно ничего не смогу сказать в свое оправдание.

- Когда вы впервые подумали об убийстве?

- Сам не знаю. Началось с того, что пришлось оставить гостиницу на площади Бастилии и перекочевать в ночлежку на улице Гранд Трюандери. Там было омерзительно. Каждый раз, возвращаясь после разгрузки овощей на центральном рынке, я засыпал в слезах. Меня изводили шум и вонь.

Угнетала мысль, что я навсегда выброшен за борт, перенесен в какой-то чужой мир. Днем, слоняясь по городу, я заходил на площадь Вогезов, то шел на набережную Шарантон или на авеню Опера. Два-три раза, подстерегая Лилиан, я прятался на кладбище Монпарнас. А встречая Шабю, все чаще повторял про себя: "Я убью его!" Но, конечно, это были только слова, которые невольно срывались с губ. На самом деле я совсем не собирался его убивать. Просто, если можно так выразиться, наблюдал издали за тем, как он живет. Смотрел на его шикарную машину, на его самодовольное лицо, на безукоризненно сшитый костюм, брюки без единой морщинки. Сам я в это время стремительно катился вниз. Единственный костюм, захваченный из дому, потрепался и покрылся пятнами. Плащ несколько не защищал от холода, но на самое дешевое пальто от старьевщика у меня не было денег.

Как-то я стоял на набережной Шарантон, неподалеку от конторы, и вдруг увидел, что туда входит Лилиан. Значит, до этого она побывала на авеню Опера. Я же говорил ей, что меня туда перевели. Лилиан задержалась.

Через некоторое время во двор вышла Анна-Мари. Я понял, что происходит в кабинете Шабю. Я не ревнив. Но это была новая пощечина: Шабю вел себя так, словно весь мир, все на свете принадлежало ему одному. И опять я невольно пробормотал: "Я его убью..." - Потом отошел подальше, чтобы не попасться на глаза Лилиан.

- А когда вы впервые пришли на улицу Фортюни?

- В конце ноября. У меня не было денег даже на билет в метро. - Пигу горько усмехнулся. - Знаете, довольно противная штука, когда у тебя ни гроша в кармане и ты начинаешь сознавать, что никогда уже не будешь жить по-человечески. На рынке встречаешь, как правило, стариков. А если увидишь молодого, так взгляд у него такой же обреченный, как у старика.

И у меня такой?

- Не нахожу.

- Странно! Я ведь стал, как все они... Воспоминание о пощечине мучило меня. Шабю не следовало этого делать. Слова я, может, и забыл бы, даже самые оскорбительные, самые унижительные. Но пощечину! Он влепил ее мне как нашкодившему мальчишке.

- Знали вы в среду, когда направлялись на улицу Фортюни, что на этот раз все будет кончено?

- Раз уж я пришел к вам, так не для того, чтобы лукавить. Я не знал, что стану убийцей. Клянусь, не знал. Можете мне поверить. Вас я не собираюсь обманывать.

- Попробуйте вспомнить, что вы в тот момент чувствовали?

- Только одно - что дальше так продолжаться не может. Я уже скатился на самое дно. Не сегодня - завтра попаду в облаву или заболею, меня свезут в больницу - и конец всему. Что-то должно было произойти.

- Что же именно?

- Я мог бы вернуть пощечину, если он выйдет с Анной-Мари, я шагну вперед... Пигу опустил голову.

- Впрочем, нет: он гораздо сильнее...

Я прождал до девяти часов, пока не зажгли свет в парадном. Шабю вышел один. Пистолет лежал у меня в кармане. Я выхватил его и, не целясь, выстрелил в упор - раз, два, три, не помню сколько.

- Четыре раза.

- Первой моей мыслью было остаться на месте и ждать полицию. Но я испугался, что меня избыют, и побежал к метро на авеню Вилье. Никто за мной не погнался. Опомнился я на рынке и сразу нанялся на разгрузку овощей. Оставаться наедине с самим собой было невыносимо... Ну вот, господин комиссар, кажется, все.

- А что побудило вас звонить мне по телефону?

- Не знаю. Я чувствовал себя бесконечно одиноким. Думал, что никто никогда не поймет моих переживаний. Мне приходилось не раз читать о вас в газетах, и вдруг мне захотелось повидать вас прежде, чем умереть. Я ведь уже решил пустить себе пулю в лоб. А потом сказал себе: "Ну, сделай попытку!" И все равно боялся, не вас, а ваших полицейских.

- Мои люди рукоприкладством не занимаются.

- Но об этом поговаривают.

- Мало ли что болтают! Выкурите еще сигарету. Вам все еще страшно?

- Теперь - нет. Все-таки я вам позвонил. Потом, второй раз. Почти сразу после этого написал из кафе на бульваре дю Пале. Мне показалось, что вы почти рядом и одновременно где-то далеко. Вы, как и Шабю, ездите на машине, и мне приходилось заранее угадывать, куда направляетесь. Так я подстерег вас у конторы на набережной Шарантон. Анна-Мари неизбежно должна была рассказать вам обо мне. Я не мог себе представить, что она не расскажет всего в первый же день. Правда, моя история стала для нее уже далеким прошлым, дело-то было еще в июне. Я видел вас и на площади Вогезов, и на набережной Орфевр. Я убеждал себя, что прятаться бесполезно, все равно меня найдут и арестуют. Ведь вы недолго бы с этим тянули?

- Если бы вы еще одну ночь провели на рынке, вас наверняка забрали бы. Полиция узнала о ночлежке "Лебедь", где вы обитали. А не то вас задержали бы в каком-нибудь ночном кабачке. Вы не запили?

- Нет.

- Редко случается, чтобы человек при таких обстоятельствах не запил.

- Меня постоянно тянуло войти в здание Уголовной полиции. Но я говорил себе, что еще не известно, в чьи руки я попаду, что меня вообще даже близко к вам не подпустят. Тогда-то я и пошел на бульвар Ришар-Ленуар.

- Я вас увидел.

- Я тоже вас увидел. Хотел сразу же подняться и позвонить, но в освещенном окне вы показались в своем халате таким огромным, что меня охватил панический страх, и я бросился бежать. Несколько часов бродил по кварталу. Раз пять проходил мимо ваших окон, но свет уже был погашен.

- Ну что ж, все ясно. Вы позволите? Мегрэ снова набрал номер коммутатора на набережной Орфевр.

- Лапуэнта, пожалуйста. Алло! Все вернулись? Кто там с тобой?

- Дежурит Люка. Сейчас пришел Жанвье.

- Приезжайте вдвоем. В закрытой машине.

- Они меня увезут? - спросил Пигу, когда Мегрэ повесил трубку.

- Это необходимо.

- Понимаю. И все-таки жутко, как будто идешь рвать зубы.

Он убил человека. Добровольно отдал себя в руки полиции. И все-таки преобладающим его чувством был страх. Страх перед побоями и жестокостью.

Едва ли он сейчас думал о своем преступлении. Мегрэ вспомнил мальчишку Стирнэ, который нанес своей бабке пятнадцать ударов кочергой и так же искренне уверял его: "Я сделал это не нарочно". Комиссар пристально посмотрел на Пигу, словно хотел проникнуть в самую глубину его души.

Пигу встревожил этот взгляд. Бухгалтер смутился.

- Вы хотите меня еще о чем-нибудь спросить?

- Пожалуй, нет.

Какой смысл спрашивать, жалеет ли он о том, что совершилось на улице Фортюни? Его, несомненно, спросят об этом на суде. И если он скажет правду, она вызовет различную реакцию у присяжных и, может быть, неодобрительный гул в зале.

Они долго молчали, Мегрэ допил свой стакан. Послышался шум подъезжавшей машины. Она остановилась у подъезда. Хлопнула дверца, потом другая. Мегрэ раскурил последнюю трубку - скорее чтобы побороть волнение, чем из потребности в табаке. Потом услышал шаги на лестнице и пошел отворять дверь. Вошедшие в комнату Жанвье и Лапуэнт удивленно смотрели на синеватое облачко дыма, клубившееся вокруг лампы под потолком.

- Знакомьтесь, ребята! Жильбер Пигу. У нас был долгий разговор.

Завтра проведем официальный допрос.

Пигу, несколько успокоенный, разглядывал помощников Мегрэ. Они совсем не походили на тех, кто избивает людей.

- Отвезите его на набережную и дайте несколько часов поспать. Я приеду попозже.

Лапуэнт сделал Мегрэ знак, который тот не сразу понял, потому что валился от усталости с ног. Инспектор показывал глазами на запястья рук Пигу: "Наручники надеть?"

Мегрэ повернулся к бухгалтеру:

- Вам доверяют, - тихо сказал он, - но так положено. Их снимут, как только вы приедете на место.

На лестнице Пигу обернулся. В его глазах блестели слезы. Он еще раз посмотрел на комиссара, словно хотел набраться мужества.

Но не к самому ли Мегрэ относился его сочувственный взгляд?